

INSPIRIA

ШАНЕЛЬ
КЛИТОН

Следующий
год
в Гаване

INSPIRIA

Шанель Клитон

Следующий год в Гаване

Серия «Novel. Семейный альбом»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62994121

Следующий год в Гаване: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-113923-0

Аннотация

Более 3600 отзывов на Amazon.com!

Выбор книжного клуба Риз Уизерспун.

Роман о семейном наследии и любви, которая ничего не боится.

Шанель Клитон родилась во Флориде. С детства она обожала рассказы родных о прошлом своей семьи, пережившей кубинскую революцию.

Сегодня Шанель Клитон – автор бестселлеров New York Times, USA Today и книжного клуба Риз Уизерспун.

Кроме того, она имеет степени бакалавра по международным отношениям и магистра в области глобальной политики. Именно поэтому ее книги не только увлекательны, но и достоверны.

«Следующий год в Гаване» – тому подтверждение. Колоритные описания Кубы, неожиданные переплетения судеб, исторические события, навсегда изменившие жизни героев, – все

это писательница превращает в путешествие, которое обязательно должно случиться с каждым.

«Всеобъемлющая история о любви, мужестве и семейном наследии, охватывающем поколения». – Entertainment Weekly

«Следующий год в Гаване» напоминает нам о том, что, хотя любовь сложна и порой душераздирающа, она всегда стоит того, чтобы рисковать». – NPR: National Public Radio

Куба, 1958 год. Революционное движение в стране набирает обороты. Девятнадцатилетняя Элиза, дочь сахарного барона, даже не подозревает, что совсем скоро ее жизнь навсегда изменится, и причина тому – любовь.

Америка, 2017 год. «Когда я умру, отвези меня на Кубу». И вот Марисоль выходит из здания международного аэропорта Хосе Марти, чтобы исполнить последнюю волю бабушки: «Развей мой прах над землей, которую я любила. Ты поймешь, где это сделать».

Там, где кипела революционная кровь, горели глаза и разбивались сердца, встретятся две удивительные истории любви, и это будет прекрасно.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	50
Глава 4	64
Глава 5	75
Глава 6	96
Глава 7	120
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Шанель Клитон

Следующий год в Гаване

Para mis abuelos
Моим бабушке и дедушке

Chanel Cleeton

NEXT YEAR IN HAVANA

Copyright © 2018 by Chanel Cleeton

Excerpt from «When we left Cuba» copyright © 2018 by Chanel Cleeton.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Credit: Photo © Chris Malpass 2017

© Ключникова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Элиза

Гавана, 1959

– Надолго мы уезжаем? – спрашивает моя сестра Мария.

– На какое-то время, – отвечаю я.

– На год? На два?

– Замолчи. – Я подталкиваю ее вперед, а сама оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто в зоне вылета аэропорта Ранчо-Буэрос не услышал ее слова.

Мы стоим друг за другом. Для одних мы – знаменитые сестры Перес, для других наше имя ничего не значит. Возглавляет цепочку Изабель – самая старшая из нас. Она стоит молча и не сводит взгляда со своего жениха Альберто. Мы покидаем город, который совсем недавно лежал у наших ног, а Альберто, бледный, не отрывая глаз, смотрит на нас.

Беатрис. Она ступает по зданию аэропорта, подол ее великолепного бледно-голубого платья приподнимается, оголяя икры, и кажется, что у всех присутствующих в аэропорту перехватило дыхание. Беатрис – самая красивая из нас, и она

это знает.

Я иду следом за ней. Мои колени дрожат под юбкой, и каждый шаг дается с огромным трудом.

А позади меня Мария – самая младшая из нас, сахарных принцесс.

Марии всего тринадцать, и ей сложно понять, почему нельзя разговаривать громко. Она может привлечь внимание солдат, которые в своей зеленой форме с оружием наперебес стоят на посту и обыскивают тех, кто вызывает у них подозрение. Мария понимает, что люди, одетые в военную форму, опасны, но она не осознает степень этой опасности так, как осознаем ее мы. Нам не удалось оградить ее от череды потрясений, которые свалились на нашу семью в последние дни, но мы сделали все возможное, чтобы она не видела то варварство, свидетелями которого нам пришлось стать. Она не слышала, как кричат пленники, посаженные в клетки, словно дикие животные, в тюрьме в Ла Кабана, которая сейчас находится во власти аргентинского монстра. Она не видела, как кровь кубинцев проливалась на нашу землю.

Но наш отец видел.

Поэтому он обернулся и посмотрел на нее тем взглядом, к которому он редко прибегает, но который работает безотказно. Сколько я себя помню, нами занимались в основном мама и няня, Магда, отец же был все время занят делами своей сахарной компании и политическими вопросами, на нас у него времени не оставалось. Но сейчас время непростое, и

ставки уже слишком высоки, чтобы рисковать. Фидель был бы счастлив, если бы ему удалось схватить Эмилио Переса и его семью – мы были квинтэссенцией того, что он хотел разрушить своей революцией. Наша семья не была самой влиятельной на Кубе, мы также не были самыми богатыми, но у отца были тесные связи с бывшим президентом, а это нельзя было не учитывать. Поэтому в сложившихся обстоятельствах даже слова, неосторожно произнесенные тринадцатилетней девочкой, могли стоить нам жизни.

Мария замолчала.

Наша мама идет рядом с отцом, высоко подняв голову. Она настояла на том, чтобы мы сегодня надели наши лучшие платья, шляпки и перчатки и до блеска зачесали волосы. Для нее было важно, чтобы ее дочери, даже отправляясь в изгнание, выглядели великолепно.

Повержены, но не сломлены.

Да, мы не сражались в горах, мы не держали оружие в руках, обтянутых перчатками, но в душе каждой из нас пылал огонь, который разжег Фидель. И пока мы живы, никому не удастся его потушить. Поэтому мы, надев наши лучшие платья, шли к выходу на посадку, демонстрируя истинно кубинскую гордость и прагматизм. Мы не можем позволить себе выглядеть иначе, пусть даже сегодня на нас нет драгоценностей, которые обычно дополняли наши наряды – они сейчас лежат закопанные на заднем дворе нашего дома.

Мы вернемся за ними.

Быть кубинцем – значит быть гордым. И это одновременно наш самый главный дар и величайшее проклятье. Мы не служим королям, мы ни перед кем не преклоняем головы, мы сами справляемся со своими трудностями и делаем это так, словно для нас эти трудности ничего не значат. А это, знаете ли, целое искусство. Искусство притворяться, будто все в жизни достается легко и не требует усилий. Притворяться, будто порхаешь словно бабочка, когда колени сгибаются под тяжестью проблем. Мы кажемся созданными из шелка и кружев, но на самом деле внутри каждой из нас стальной стержень.

Мы стараемся сделать вид, что просто отправляемся на каникулы в небольшое путешествие за границу. Но тем, кто сейчас в аэропорту смотрит на нас, все понятно без слов.

На мгновение пальцы Беатрис коснулись моей руки. Пограничники, одетые в оливкового цвета форму, следили за каждым нашим движением. Ей было страшно, но она хотела поддержать меня. Я не позволю страху победить себя.

Тот мир, который мы знали, больше не существует. А мир, который пришел взамен, был мне непонятен.

Ощущение безнадежности переполняло зону вылета: оно читалось в глазах мужчин и женщин, которые ожидали посадки в самолет, в их устало опущенных плечах, в выражении шока на их лицах, в скромных пожитках, которые они сжимали в руках. Дополняли картину угрюмые дети, чей смех затих, отравленный зловонием, исходившим от всех

нас.

Когда-то здесь царило счастье. Мы приезжали сюда, чтобы встретить вернувшегося из очередной командировки отца. А три года назад мы сидели в этих же креслах и нас переполнял восторг от того, что мы летим на каникулы в Нью-Йорк.

Мы сели, прижавшись друг к другу, – Беатрис с одной стороны от меня, Мария с другой. Изабель, набросив на плечи шаль, сидела в стороне. Горечь утраты может быть разной – нам же пришлось бросить все, что было нам дорого.

Наши родители сидели, взявшись за руки. Раньше им было несвойственно проявлять чувства на людях, и мне было странно наблюдать этот, казалось бы, совсем скромный жест. В их глазах читалось волнение, а в их сердцах поселилась печаль.

На какой срок мы уезжаем? Вернемся ли мы когда-нибудь? И если мы вернемся, какую Кубу мы увидим?

Мы просидели в аэропорту уже несколько часов. Время текло невероятно медленно. Шея моя вспотела, а тело под платьем чесалось. К горлу подкатывала тошнота, а во рту появился резкий неприятный привкус.

– Меня сейчас вырвет, – прошептала я, обращаясь к Беатрис.

Она крепко сжала мои пальцы.

– Нет, только не сейчас. Еще немного, и мы сядем в самолет.

Я сижу, уставившись в пол, и пытаюсь побороть тошноту. Люди бросают друг на друга осторожные резкие взгляды, и в то же время у меня ощущение, что мы оказались в вакууме. В зале ожидания тишина, прерываемая случайным шорохом одежды и сдавленными рыданиями. Мы словно оказались в чистилище. Мы ждем.

– Объявляется посадка на рейс...

Мой отец, крича, поднялся со своего места; с того дня, когда президент Батиста покинул страну и ветер революции, зародившийся в горах Сьерра Маэстра, добрался до наших краев, прошло всего два месяца, но отец, казалось, за это время постарел на несколько лет. Когда-то Эмилио Перес считался одним из самых влиятельных и могущественных представителей высшего общества Кубы; теперь он почти не отличался от других людей – от мужчины, сидящего у прохода, от джентльменов, которые выстроились в очередь перед выходом на посадку. По воле обстоятельств теперь мы – лишь осиротевшие граждане страны, которой больше не существует.

Я потянулась вперед и взяла Марию за руку.

Она не произнесла ни слова. Казалось, что царящая вокруг атмосфера поглотила ее. Как и всех нас.

Мы направились к летному полю. Мы двигались друг за другом – грустные и очень сдержанные. Сегодня воздух казался неподвижным. Мы шли, изнывая от жары, солнце жгло наши спины, а впереди виднелись очертания самолета.

Я не могу это сделать. Я не могу уехать. И я не могу остаться.

Беатрис подтолкнула меня вперед, чтобы я не нарушила наш строй, и я пошла дальше.

Когда мы поднимались на борт самолета, началась суматоха – люди начали кричать, кто-то заплакал, и шум наполнил салон. Раздались стоны. Теперь, когда мы покинули зону вылета, люди сбросили с себя напускной лоск и позволили истинным чувствам вырваться на свободу.

Слезы, скорбь.

Я заняла место рядом с иллюминатором и сквозь крошечное стекло попыталась рассмотреть что-нибудь еще кроме здания аэропорта. Я надеялась...

Я почувствовала толчок – самолет пришел в движение. В салоне воцарилась тишина. В моей памяти снова возникли эпизоды Нового года – я, держа в руке бокал с шампанским, стою в бальной зале в доме друзей родителей. Я смеюсь, я счастлива. Где-то в глубине души я чувствую легкую тревогу и неуверенность, но я также не теряю надежду.

Пройдет всего лишь минута, и моя жизнь изменится.

Президент Батиста покинул страну! Да здравствует свободная Куба!

И это они называли свободой?

Наш самолет, набирая скорость, мчится по взлетной полосе. Меня вдавливают в кресло, и я наконец сдаюсь – выхватываю пакет из кармашка на спинке сиденья передо мной, и

меня рвет.

Самолет отрывается от земли и набирает высоту. Я сижу, склонив голову, а Беатрис гладит меня по спине. Приступы тошноты накатывают снова и снова – какое бесславное получилось у меня бегство. Когда я наконец поднимаю голову, перед моими глазами предстает необычайно прекрасное сочетание оттенков голубого и зеленого.

Когда Христофор Колумб причалил к берегу Кубы, он сказал, что это самая прекрасная земля, которую когда-либо видели глаза человека. И это правда. Но для нас Куба – это не только море, горы и голубое небо, Куба значит для нас гораздо больше, а теперь мы покидаем ее.

Надолго мы уезжаем?

На год? На два?

*Ojalá*¹.

Марисоль

Январь 2017

Когда я была помладше, то умоляла бабушку рассказать о Кубе, которая казалась мне загадочным островом. Слушая истории, которыми бабушка делилась со мной, живя в изгна-

¹ Дай Бог (*исп.*)

нии в Майами, я всем сердцем полюбила землю, нарисованную в моих фантазиях. Для меня существовали две Кубы – одна в моей крови, а другая в моих мечтах.

Мы любили сидеть в гостиной просторного дома моей бабушки, который находился в районе Корал Гэйблс, и она показывала мне старые фотографии, тайком вывезенные бесстрашными членами семьи, рассказывала про то, как жила в Гаване, рассказывала про приключения ее сестер, описывала красоты острова, а мое воображение рисовало мне его образ. Ее истории сопровождались запахом жасмина и гардении, вкусом бананов и мамей сапоты² и всегда – звуками старого проигрывателя. Каждый раз, закончив рассказ, бабушка улыбалась и обещала мне, что наступит день и я своими глазами увижу Кубу. Обещала, что мы торжественно вернемся, распахнем двери фамильного поместья, расположенного в Варадеро на берегу моря, и переступим порог шикарного дома, который занимает почти целый квартал утопающей в зелени улицы в Гаване.

Мы вернемся, как только умрет Фидель. Вот увидишь.

И наконец, после того, как почти шестьдесят лет он водил кубинцев за нос своими фальшивыми покушениями, он умер, пережив мою бабушку на несколько месяцев. В ночь его смерти мы собрались всей семьей и открыли бутылку шампанского, которую мой прадед купил почти шестьдесят лет назад специально для этого случая. В нашей неподража-

² Сладкий фрукт, который у нас еще называют «мармеладной сливой».

емой манере мы подняли тост во славу кончины Кастро. К сожалению, шампанское, как и Фидель, уже отжило свое, но вечеринка в Калье Очо продолжалась до рассвета, а потом...

Потом мы остались в Майами.

Смерть Фиделя не стерла из памяти почти шестьдесят лет, проведенных в изгнании, и не вселила в нас ощущение свободы. Вместо этого сейчас я тайком перевожу в своем чемодане урну с прахом моей бабушки. Я выполняю ее последнюю волю, которую она изъявила тогда, когда мы молились и надеялись на лучшее.

Когда я умру, отвези меня на Кубу. Развей мой прах над землей, которую я так любила. Ты сама поймешь, где это сделать.

И сейчас, сидя в самолете, летящем где-то между Мехико и Гаваной, вооружившись блокнотом, исписанным названиями улиц и мест, которые мне нужно посетить, и путеводителем, купленным в Интернете, я понятия не имела, где же хотела обрести покой моя бабушка.

Полгода назад, в присутствии тридцати членов семьи, собравшихся в переговорной в офисе нашего нотариуса в районе Брикел, было зачитано бабушкино завещание. На встрече присутствовали две ее сестры – Беатрис и Мария. Изабель скончалась два года назад. Их дети пришли со своими супругами и детьми – так представители молодого поколения высказывали свое уважение. Также присутствовал мой отец – бабушкин единственный сын, две мои сестры и я.

Большая часть пунктов завещания были очень понятными, ожидаемыми и ни у кого не вызвали удивления. Мой дедушка умер более двадцати лет назад, и после его смерти управление сахарной компанией перешло к моему отцу. Дом в Палм Бич отошел моей сестре Даниеле. Ферма с лошадьми в Веллингтоне – моей средней сестре Лючии. А мне достался дом в Корал Гэйблс – то место, где я провела столько времени, воображая свое путешествие на Кубу.

В завещании также были распоряжения насчет денежных сумм и предметов искусства, которые нотариус зачитал голосом, не терпящим возражения. По мере того как он оглашал список, раздавались редкие всхлипы или возгласы благодарности. И наконец оставалось последнее желание бабушки.

Существует негласное правило о том, что у бабушек и дедушек не должно быть любимчиков среди внуков, но моя бабушка всю жизнь жила только по своим правилам. Может быть, причиной послужило то, что я появилась на свет за два месяца до того дня, когда моя мама застукала моего отца в постели с наследницей каучуковой империи. Лючия и Даниела прожили много лет в полной семье, пока не грянул Великий Развод, и после него у сестер оставалась с мамой тесная связь, чего у меня никогда не было. Мои ранние годы прошли в бесконечных юридических дразгках, и я постоянно моталась между двумя домами, пока наконец мама не умыла руки и не вернулась в Испанию, оставив меня на попечение бабушки. А может быть, от того, что я заменила бабушке

дочь, которой у нее никогда не было, она назначила именно меня исполнителем ее последней воли...

Ни у кого из членов семьи не возникло вопросов.

Ее сестры дали мне список адресов – включая адреса дома Пересов в Гаване и поместья на побережье, которые никто не видел в течение последних пятидесяти лет. Они связали меня с Анной Родригес – лучшей подругой моей бабушки, с которой она дружила в детстве. Несмотря на то что прошло столько лет, Анна любезно предложила мне погостить у нее ту неделю, которую я проведу на Кубе. Может быть, ей удастся пролить свет на то, где же именно моей бабушке хотелось найти покой.

Ты всегда хотела увидеть Кубу. Я очень сожалею о том, что мы не сможем это сделать вместе. По крайней мере меня утешает, что ты пройдешь по набережной Малекон и освежишь лицо соленой морской водой. Я представляю, как ты преклоняешь колени у скамей Собора Гаваны, садишься за столик в Тропикане. Я когда-нибудь рассказывала тебе, как мы однажды ночью сбежали из дома и отправились в клуб?

Я всегда мечтала о том, что Фидель умрет раньше меня и я смогу вернуться домой. Но сейчас я мечтаю о другом. Я старая женщина, и я уже смирилась с тем, что больше никогда не увижу Кубу. Но ты можешь это сделать.

Быть в изгнании означает лишиться того, что любишь больше всего на свете: лишиться воздуха, которым ды-

ишь, и земли, по которой ходишь. Они продолжают существовать по ту сторону стены, и для тебя они остаются неподвластными ни времени, ни обстоятельствам – они остаются такими, какими ты сохранила их в своей памяти.

Моей Кубы больше нет. Куба, о которой я годами рассказывала тебе, разрушена ветром революции. Настало время тебе открыть свою собственную Кубу.

Я убрала письмо в сумочку, слова слились воедино. Прошло уже шесть месяцев, но горечь утраты никуда не делась. Бывают моменты, когда я особенно остро ощущаю боль от потери, когда мне так нужно, чтобы бабушка была рядом, но ее нет.

Воспоминания о меренге, которую бабушка готовила для меня по особым случаям, этот сладкий вкус, который я ощущала, когда пирожное таяло на моем языке, превращаясь в сахарную пудру, звуки музыки, которую я слушала все свое детство, – наши кумиры: *Селия Крус, Бенни Море и Буэна Виста, Сошиал Клуб*. А теперь колеса самолета касаются кубинской земли.

Я скучала по бабушке.

Слезы полились по моим щекам. И не только от того, что ее сейчас не было рядом. А еще от того, что сейчас самолет двигался тем же маршрутом, как и тот, на котором бабушка покинула Кубу почти шестьдесят лет назад.

Я посмотрела в окно и увидела здание международного аэропорта имени Хосе Марти. На первый взгляд этот аэро-

порт ничем не отличался от многочисленных аэропортов Карибского бассейна, через которые я летала на каникулы. Однако у меня возникло ощущение, что я уже видела его раньше, и я задрожала от волнения. Вздых вырвался из моей груди, будто я очень долго задерживала дыхание и наконец смогла выдохнуть.

Я чувствовала себя так, словно после долгого отсутствия вернулась в родные края, которые, пока меня не было, успели измениться, но все равно остались знакомыми. Я вошла в здание аэропорта и бросила на землю сумку, казалось, что мое долгое путешествие наконец подошло к концу. Я осмотрелась по сторонам – все, что меня окружало, говорило мне о том, что я дома.

Глава 2

Я вышла из самолета, крепко сжимая сумку в руках. На протяжении всей моей жизни Куба казалась мне каким-то эфемерным мифическим существом, по воле злого рока недоступным для меня. Но теперь Куба стала реальностью. И хотя зона прилета была лишена какой-либо романтики или роскоши, меня переполняло волнение.

К сожалению, романтизм момента был подпорчен тем, как медленно тянулось время в очереди. Прошел почти час, прежде чем я подошла к стойкам паспортного контроля. Я обратила внимание на то, сколько офицеров иммиграционной службы сидят там и как быстро туристы передо мной оформляют документы. По официальной версии, я приехала сюда в качестве журналиста-фрилансера из Майами, пишущего статью для электронного издания – о том, как сейчас, после снятия ограничений, развивается туризм на Кубе. Я получила согласие редактора на серию статей, в которых будет дано подробное описание Кубы для американцев, и заключила с изданием контракт. Гонорар за статьи пойдет на оплату моей поездки. Неофициальная часть моего путешествия, а именно прах моей бабушки, лежит в моем чемодане.

Существует процедура по возвращению на Кубу праха беженцев для захоронения, но после того, как я переговорила с друзьями, которые попытались пробраться сквозь бюрократ-

тическую волокиту, более простым способом мне представлялся тот, к которому ежегодно прибегают многие кубинцы. Когда я контрабандой провозила прах бабушки через границу, у меня было ощущение, что она с улыбкой и нескрываемым восторгом смотрит с небес на то, как я нарушаю правила режима, столь ей ненавистного.

Я продвигаюсь вперед в очереди на паспортный контроль. Мои документы в порядке, паспорт с визой я держу в руке, а сердце мое уходит в пятки, когда я отвечаю на вопросы офицера на испанском языке, на котором говорю всю свою жизнь. Возникает странное ощущение – я вроде бы говорю со своим земляком, а вроде бы и нет. Несмотря на то что моя мать была американкой испанского происхождения, я всегда считала себя прежде всего кубинкой, и в Майами это не вызвало сомнений. Мои бабушка с дедушкой кубинцы, мой отец кубинец, поэтому и я кубинка. Будет ли здесь иметь значение то, что моя кожа немного светлее, чем у большинства местного населения, и что во мне течет не только кубинская кровь? Будут ли здесь считать меня чужой? Или моего происхождения будет достаточно?

Офицер махнул рукой, разрешая мне пройти, и я со своими вещами направилась вперед. Нервы мои были на пределе, когда я поставила сумку, в которой был спрятан прах бабушки, на багажную ленту рентгенаппарата, чтобы кубинские офицеры смогли убедиться, что я не ввожу контрабанду на территорию страны. Лента поехала, и мой багаж уплыл в

темноту. Я затаила дыхание...

Я прошла через металлоискатель и начала ждать. Я была почти уверена, что сейчас на мой багаж поставят специальную отметку, а меня отведут в глубь аэропорта в комнату для допросов, в которой нет ни одного окна. Нам, американцам, до сих пор сложно представить, что на Кубу приезжают туристы, поэтому у меня было ощущение, что я вхожу в мутные воды или заступаю на неизведанную территорию.

Желание моей бабушки, чтобы именно я развеяла ее прах на Кубе, не вызвало ни единого вопроса у моих родственников. Но к моей поездке все отнеслись с осторожностью, особенно те, кто на своей шкуре испытал прелести режима Кастро.

– Никогда не забывай о том, где находишься, – предупреждала меня Беатрис. – Забудь о своих гражданских правах, не воспринимай их как само собой разумеющееся – ты их лишишься сразу, как только приземлишься в Гаване.

В течение нескольких недель, вплоть до дня моего отъезда двоюродная бабушка Мария ежедневно отправляла мне письма с подборкой статей и информацией для путешественников, публикуемых Госдепартаментом. Отдельные фразы из этих публикаций запечатлелись в моей памяти... *любой может быть задержан... если вы даже по незнанию нарушили местные законы... арестованы... заключены под стражу...*

Ничто так не вселяет страх, как произвол властей и неза-

конный арест. У меня не было сомнений в том, что Куба отличается от любого из тех мест, которые я посещала раньше. Но в то же время у меня не получалось сопоставить картины, которые я многие годы видела в новостях по телевизору – старинные автомобили, выкрашенные в яркие цвета, волны, разбивающиеся о берег, романтическая архитектура, – с мрачными напутствиями, которыми провожали меня двоюродные бабушки.

Мои бабушки заботятся обо мне и моих кузенах с кузинами, но когда речь заходит о Кубе, к ним возвращается тот ужас, который им довелось испытать и который даже по прошествии времени не удалось забыть. Я пыталась объяснить, что многое изменилось, что сейчас не 1959 год, что революция завершилась, что в Гаване снова открылось американское посольство и мы возобновили дипломатические отношения с Кубой.

Но мои доводы были бессильны. И поэтому, когда Мария настояла на том, чтобы я взяла с собой ее четки, спрятав их в сумке, я, принимая во внимание то, что и так сильно рискую, перевозя прах бабушки, возражать не стала. Дополнительная удача мне не помешает.

Я прошла вперед, двигаясь за другими путешественниками.

Пожалуйста, просто помоги мне отвезти бабушку, и я обещаю тебе, что до конца путешествия буду держаться подальше от любых неприятностей.

Один из офицеров коротко мне кивнул, и я быстро убрала свою сумку с ленты. Внутри меня все ликовало, когда я направилась в зону выдачи багажа.

Я забрала остальные вещи и прошла по зеленому коридору мимо таможенной службы. С каждым шагом нервное напряжение спадало, и ему на замену пришла радость сродни той, которую испытываешь накануне Рождества. Я ждала этого момента всю свою жизнь.

Я вышла из здания аэропорта, и перед моим взором предстала Гавана. Я впервые в жизни вдохнула воздух Кубы. Несмотря на легкий ветерок, воздух был очень влажным, и я почувствовала, что мои волосы начали прилипать к шее. В январе в Гаване так же жарко, как в Майами. Я открыла сумку и достала солнцезащитные очки.

На пешеходной дорожке рядом с аэропортом царил хаос: друзья и родственники обнимали друг друга, тут и там слышалась громкая испанская речь, люди загружали сумки в огромные багажники ретро-автомобилей, покрашенных в яркие цвета. Очевидно, владельцы очень гордились своими машинами.

Передо мной была толпа людей, некоторые из них держали в руках таблички с именами. Я рассматривала их в поиске Анны Родригес. Я не могла дождаться встречи с женщиной, о которой моя бабушка столько рассказывала – и ее рассказы были наполнены ностальгией и любовью.

С самого раннего детства мы были неразлучны. Ее семья

жила по соседству с нами, и мы часто играли вместе в саду. Марисоль, я рассказывала тебе о том, как однажды решила перелезть через стену между нашими домами?

Дружба бабушки с Анной мне всегда напоминала историю Люси и Этель, причем, судя по всему, моя бабушка была в роли Люси.

– Марисоль Феррера?

Я обернулась, услышав свое имя, и лицом к лицу столкнулась с мужчиной, который стоял, прислонившись к ярко-голубому кабриолету с массивной хромированной решеткой и белыми полосами по бокам.

– Да?

Он отошел от машины и элегантной походкой направился в мою сторону, полы его гуаяберы³ колыхались на ветру.

Он поприветствовал меня, обратившись ко мне на очень правильном английском, и протянул руку.

– Меня зовут Луис Родригес. Моя бабушка попросила встретить вас. Она приносит извинения за то, что лично не смогла приехать – сегодня ей нездоровится.

Я пожала протянутую руку, почувствовав прикосновение мозолистых пальцев. Его рукопожатие было крепким, а кожа – теплой. Он коснулся внутренней стороны моего запястья, и когда он отпустил мою ладонь, я почувствовала, как дрожь пробежала по моему телу.

Я моргнула и, слегка прищулив глаза, рассмотрела его, со-

³ Рубашка, национальный кубинский костюм.

жалая о том, что недостаточно внимательно слушала Беатрис, когда та рассказывала про семью Анны.

На вид ему было столько же лет, сколько и мне, может, на пару лет старше – где-то тридцать пять. Волосы густые и чуть светлее моих – не черные, а, скорее, каштановые. У него были смуглая кожа и темно-карие глаза, вокруг которых разбегались лучики морщинок. Аккуратная борода обрамляла подбородок.

Это такая красота, которая редко встречается у мужчин – отдельные черты кажутся невзрачными, но в их сочетании проявляется мощная харизма, которая привлекает ваше внимание, и вы не можете пройти мимо.

– С ней все в порядке? – спросила я, перейдя на испанский. Я старалась не обращать внимания на приступ волнения, из-за которого у меня сжимался желудок.

Его полные губы расплылись в улыбке, сразившей меня наповал. Мне показалось, что я его удивила.

– Она в порядке, – ответил он на испанском. – Просто устает, ведь ей уже много лет.

Моя бабушка умерла в семьдесят семь лет. Значит, Анне уже почти семьдесят восемь.

– Она с нетерпением ждет встречи с вами. Все последние недели она только о вас и говорила.

Он наклонился вперед, взяв в одну руку мой большой чемодан, а в другую сумку.

– Можем идти? Больше ничего нет?

Я кивнула. Он проигнорировал мои слова о том, что я сама могу донести багаж, и мне ничего не оставалось, кроме как проследовать за ним к машине. Я не удержалась и провела рукой по ее гладким изгибам.

– Первый раз на Кубе? – спросил он, положив в салон маленькую сумку и открыв для меня пассажирскую дверь.

– Да.

Я уселась на огромное сиденье и принялась рассматривать салон. Кресла были обиты кожей, которая когда-то давно была белой, но за долгое время приобрела кремовый оттенок. Я представила себе, как моя бабушка сидела в похожем автомобиле, а на ней было надето одно из тех платьев, что я видела на старых фотографиях, где была запечатлена ее жизнь на Кубе. На мгновение я почувствовала себя путешественником во времени.

Я подождала, пока Луис не загрузил сумки в багажник и не уселся за руль. Затем он завел старый мотор. Я инстинктивно потянулась за ремнем безопасности и оторопела, когда ничего не нащупала.

Точно.

Я действительно оказалась в другом времени.

– Это поразительно. Вы своими руками восстановили этот автомобиль?

– У меня есть двоюродный брат. У него руки растут из нужного места. – Он ласково похлопал по приборной панели. – У нее непростой характер, но я хорошо о ней забочусь,

и она отвечает мне взаимностью.

Я усмехнулась.

– Так ваша машина женского пола?

– Конечно.

Выезжая на дорогу, он просигналил и помахал из окна рукой проезжавшему мимо автомобилю. На шоссе мы оказались в компании самых разных машин – от классических квадратных до более современных. Некоторые автомобили не утратили свой первоначальный вид, как и автомобиль Луиса; а некоторые выглядели так, словно их собрали непонятно из чего и они не разваливаются только благодаря молитвам владельцев. Мы набрали скорость, пальмы проносились мимо нас, и мне пришлось схватиться за дверцу. Несмотря на свой почтенный возраст, машина оказалась удивительно резвой. Мои волосы развевались на ветру, благодаря которому жара уже не ощущалась так сильно.

Дорога была неровной, и мы наехали на несколько ухабов. Без ремня безопасности меня бросало из стороны в сторону. Вдоль дороги появились гигантские плакаты, восхваляющие величие Кубинской революции и превосходство коммунизма. Сначала я увидела лицо Фиделя Кастро, который смотрел прямо на меня, а следом за ним – изображение Че Гевары с развевающимися на ветру волосами. В детстве эти двое казались мне монстрами, и мне сейчас было странно наблюдать, что здесь их не то что не критикуют, а, наоборот, превозносят.

– Так вы писательница, – прокричал Луис достаточно громко, чтобы я его услышала сквозь шум ветра и проезжающих мимо автомобилей.

– Да, – крикнула я в ответ. – В основном работаю на фрилансе.

Мне потребовалось лет десять написания статей и постов в Интернете, прежде чем я стала относиться к себе как к писательнице. И до сих пор я втайне боюсь, что меня одернут и сделают замечание, если я буду так себя называть. Писательство – не тот род деятельности, к которому с уважением или пониманием относились в моей семье – заработки были слишком незначительны, график слишком неустойчив, и выбранный мною род деятельности считался недостаточно престижным. Мои родственники относились к моему занятию как к забавному хобби, над которым можно посмеяться на вечеринке. Родные не верили, что, занимаясь этим, я смогу содержать себя. Им бы больше понравилось, если бы я стала работать в компании Перес Шугар. Понравилось бы всем, кроме моей бабушки.

Марисоль, жизнь слишком коротка, чтобы быть несчастной. Не бойся совершать ошибки. Слушай свое сердце и поступай так, как оно тебе подсказывает, а не так, как советуют все вокруг. Посмотри на нас. Когда-то у нас было все, а потом в один миг мы все потеряли – все разрушилось словно песочный замок. Ты никогда не знаешь, что подкинет тебе судьба.

Когда в журнале была опубликована моя первая статья, бабушка купила сорок экземпляров и раздала их всем своим знакомым. Она едва не каждому встречному говорила, что ее внучка написала великолепную статью о том, как правильно организовать хранение одежды, и теперь она сама решила переделать свою гардеробную.

– О чем вы пишете?

Меня удивил искренний интерес, с которым был задан вопрос. Я привыкла к тому, что меня либо спрашивают о моей работе просто из вежливости, либо начинают шутить и задавать вопросы, когда я планирую начать заниматься чем-то действительно серьезным.

– Я пишу про различные житейские дела, – ответила я. – О путешествиях, моде, еде и тому подобном. Сейчас я работаю над статьей, посвященной тому, как в условиях налаживающихся отношений развивается туризм на Кубе.

– Вам нравится этим заниматься?

Забавно, но он был первым, кто задал мне этот вопрос. Обычно люди спрашивают меня о том, где я публикуюсь, пишу ли я для крупных изданий, таким образом они пытались определить, успешна ли я в их понимании: есть ли у меня деньги, слава и известность. Мне было приятно, что его интересует сама суть – почему я пишу.

– В основном да. Это весело. Мне нравится путешествовать и посещать новые места, нравится знакомиться с людьми. Это обычно похоже на пазл – я представляю, что

должно получиться в итоге, как я закончу свою статью, но, когда сажусь за компьютер, еще не знаю, что именно я напишу. Это в некотором роде магия – слова сами ложатся на бумагу, когда я пытаюсь выразить то, что чувствую. Каждый раз, когда я только начинаю изучать новую тему, меня ожидает что-то новое, ранее неведанное.

А еще мне нравилась свобода, которую мне давала моя работа. Но я не стала об этом говорить. Если я долго нахожусь на одном месте, мне становится беспокойно. Я всегда возвращаюсь в Майами, но через пару месяцев мне уже не терпится куда-нибудь уехать. Из-за этой жажды к перемене мест пострадали другие аспекты моей жизни. Смерть бабушки и те воспоминания, которые она оставила после себя, заставили меня задуматься: мне тридцать один год, у меня нет мужа, нет детей, я живу только работой, которая мне нравится, но которую я не люблю.

– Так, значит, вам нравится этот элемент неожиданности?

Я никогда не думала в этом направлении, но...

– Да, думаю это мне и нравится.

Мы проехали мимо стены, расписанной граффити с изображением флагов Кубы, и я скользнула взглядом по Луису. Его рука лежала на сиденье рядом с моей рукой, нас разделяло несколько сантиметров.

Интересно, он когда-нибудь покидал Кубу? Интересно, те кубинцы, которые не уехали, испытывают злость по отношению к тем, кто покинул страну? Интересно, их беспокоит,

что мы попытаемся вернуть себе то, что нам принадлежало до революции? А его интересует, как живет мир за пределами Кубы? Я чувствовала себя несколько странно от того, что попала в страну, настолько отрезанную от остального мира. Наверное, у нас очень разные взгляды на жизнь.

– Просто задайте мне вопрос, – с улыбкой сказал он, глядя в зеркало заднего вида. – Я практически чувствую как они крутятся у вас в голове.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он лишь покачал головой, не отрывая взгляда от дороги.

– Журналисты.

В этом слове прозвучало некоторое снисхождение.

– Чем вы занимаетесь? – спросила я вместо того, чтобы спорить с ним.

– Я профессор истории в Университете Гаваны. Я читаю лекции по истории Кубы. Если вам для статьи нужна информация о городе, я буду счастлив ответить на все ваши вопросы.

– Это было бы прекрасно, спасибо. У меня есть список того, что я хочу посетить – Малекон, отель «Националь», Тропикана, – но я также хотела бы посмотреть на те места, куда обычно ходят местные.

– Буду рад все вам показать.

Когда я приняла предложение Анны остановиться у нее, то не ожидала, что в комплекте получу индивидуального гида. Я была благодарна ему за предложение. И мне будет

очень приятно прогуляться по Гаване в компании красивого интеллигентного мужчины.

– Что вы знаете о Кубе? – спросил он.

– Я выросла на рассказах о ней, – с гордостью ответила я. – Моя бабушка обожала проводить время, рассказывая мне истории о Кубе, о доме, в котором она выросла, о поездках в Варадеро, о танцах на площадях. Куба всегда присутствовала в моей жизни. Мы ели кубинскую еду, мы слушали кубинскую музыку. Но после смерти бабушки мне кажется, что Куба стала от меня чуть дальше.

– Ваш отец родился здесь?

– Нет, он родился после того, как бабушка уехала в 59-м.

– И он не захотел приехать с вами?

Я пожала плечами.

– У него много работы. Он управляет семейным бизнесом, и у него почти нет свободного времени.

Мой отец был человеком дела, он был не склонен к сентиментам и самоанализу. Когда отношения между Соединенными Штатами и Кубой нормализуются – если они нормализуются, – вполне возможно, его заинтересуют перспективы сотрудничества с новым рынком. Но приехать просто так? Чтобы полюбоваться на семейное наследие? Нет.

– Сахарный бизнес, не так ли?

Я кивнула. Мне стало интересно, что еще поведала ему о нас его бабушка.

– Моя бабушка завещала, чтобы ее прах был развеян

здесь. И она сказала, что я сама пойму, где лучше это сделать. Но после того, как я поговорила с ее сестрами, я так и не поняла, какое место лучше всего подойдет. Они подкинули мне несколько идей, но мне хотелось бы самой посетить все, чтобы лучше их прочувствовать. Бабушка доверила мне эту задачу, и я не хочу ее подвести.

Мой дедушка покоем на кладбище в Майами, но из бабушкиного письма было понятно, что она не желает, чтобы ее похоронили на американской земле.

Я всегда говорила, что я вернусь, и теперь тебе предстоит сделать это для меня. Тебе предстоит вернуть меня туда, откуда мне пришлось уехать.

– Соболезную вашей утрате. Вы с ней были близки?

– Она заменила мне мать.

Он кивнул так, словно понимал, что мне не просто проносить эти слова.

– Моя бабушка часто и с большой теплотой вспоминала о ней. Она надеялась, что когда-нибудь они снова встретятся.

– Моя бабушка думала, что сможет вернуться, – ответила я. Чем дольше я говорила о ней, тем сильнее ощущала горечь потери. Разговоры о бабушке для меня всегда палка о двух концах – с одной стороны, когда я о ней говорю, она становится мне ближе, а с другой – я еще сильнее ощущаю ее отсутствие.

Луис свернул на другую дорогу, и я наконец впервые увидела Гавану.

Конечно, я видела много фотографий этого города, но изображение на фотографии никогда не сравнится с реальностью. Впереди возвышались здания, многие из которых были выкрашены в яркие цвета – коралловый, канареечно-желтый и бирюзовый. Лучи солнца придавали фасадам янтарный оттенок. С яркими фасадами сочетались не менее яркие автомобили, но во многих местах штукатурка на зданиях уже отвалилась. На каменных балконах, украшенных замысловатыми коваными решетками, висело белье, а между домами были протянуты линии электропередач. Люди сновали туда-сюда и группами стояли везде, где было свободное место.

Несмотря ни на что, архитектура города была настолько красивой, что дух захватывало. Вдоль пешеходных дорожек, словно часовые, стояли черные железные фонари. Здания были украшены сложной резьбой и витиеватыми орнаментами, которые выглядели просто сногшибательно. Но из-за отвалившейся штукатурки на стенах домов образовались серые проплешины, и возникало ощущение, что город не мешало бы хорошенько помыть.

Гавана напомнила мне женщину, которая когда-то была роскошной, а теперь переживает непростые времена, не утратив до конца следы своего былого величия. Словно я смотрела на старую поблекшую фотографию, на которой осталось изображение былой эпохи, но чьи края пожухли со временем.

Когда я закрывала глаза, то представляла себе Гавану такой, какой мне описывала ее бабушка. Но когда открывала их, видела, во что превратилась Гавана за почти шестьдесят лет изоляции. Я была рада тому, что бабушка не узнает, в какой упадок пришел столь горячо любимый ею город.

– Когда-то здесь было очень красиво, – сказал Луис, и его слова удивили меня. Наши взгляды встретились.

– Да. Это нетрудно заметить.

– С каждым годом Гавана стареет все больше, – вздохнул он, переводя взгляд на дорогу. – Мы красим и штукатурим дома, стараемся приводить их в порядок, но работы слишком много.

Все было понятно без слов. Без денег они мало что могли изменить.

– Старая часть Гаваны выглядит лучше, чем другие ее районы. Они сохраняют ее для туристов, поэтому, если вам интересно посмотреть, как город выглядел раньше, у вас будет такая возможность.

Испанцы основали старую часть города в шестнадцатом веке. Из того, что я читала и слышала, я знаю, что Гавана разделена на разные районы, каждый из которых имеет свои особенности. Одной из причин, почему я предпочла остановиться у Анны, а не в гостинице, было то, что ее семья до сих пор проживала в доме по соседству с домом моей бабушки – тем самым домом, где родилось и выросло не одно поколение Пересов.

– Что вы можете рассказать мне о Мирамаре? – спросила я, переводя разговор на район, в котором жила бабушка.

– А что вам интересно услышать? Лекцию профессора истории или рассказ человека, который прожил в этом районе всю свою жизнь?

– Думаю, и то и другое.

– Современная история кубинцев – это в первую очередь история о том, как людям пришлось приспособливаться. Выживать за счет тех ограниченных ресурсов, которые нам дала великая революция.

Он произнес слова «великая революция» с некоторым осуждением. Наверное, здесь подобное поведение считалось кощунством.

– Мирамар выглядит лучше, чем большинство других районов, благодаря расположенным там посольствам. Некоторые здания требуют ремонта, но в целом все не так уж плохо. Сейчас в Мирамаре проживают многие генералы и высокопоставленные чиновники. Они живут в тех домах, в которых раньше жили приближенные Батисты и самые влиятельные семьи Кубы. – Теперь осуждение в его словах прозвучало более отчетливо. – Вот такой у нас прогресс. Мы избавились от паразитов, и теперь посмотрите, кто занял их место.

Меня удивила прямота его слов и то пренебрежение, с которым он говорил.

– В нашем доме мы открыли ресторан, – продолжал Луис. – Он заполнен туристами из Европы, потому что боль-

шинство кубинцев никогда не смогли бы позволить себе обед в нашем ресторане, если бы не субсидии за счет высоких цен для приезжих. Разумеется, высоких для местного населения.

Я слышала о том, что правительство разрешило кубинцам открывать неофициально рестораны у себя дома. У меня был список лучших заведений Гаваны, о которых я собиралась написать в статье, и ресторан под управлением семьи Родригес был в моем списке.

– Ваша бабушка готовит сама?

– В основном да. Мы принимаем каждого посетителя нашего ресторана как члена семьи. С каждым годом ей становится все труднее, но ей нравится угощать гостей. Когда у меня есть возможность, я ей помогаю.

– А ваши родители? Они тоже живут в Мирамаре?

Он не сразу мне ответил. Какое-то время он просто молчал, постукивая пальцами по обтянутому кожей рулю. Он свернул с шоссе на боковую улицу, и перед нами неожиданно возник океан. Вода была идеального бирюзового цвета, как коробочки от Тиффани, а волны, ударяя о берег, превращались в белую пену.

– Мой отец умер, когда я был ребенком. Он воевал в Анголе.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Он был военным?

– Да. Он служил в армии, был офицером. Воевал в Анголе в 88-м. Битва за Куито-Куанавале. Героическая смерть. Моя мама работала в ресторане вместе с бабушкой.

Он сказал мне это с обманчивой прямотой. Я поняла, для чего это было сделано – сразу рассказать чуть больше, чтобы избежать дополнительных вопросов.

Мы замолчали, и остаток пути я с удовольствием рассматривала пейзажи, представляя, как моя бабушка прогуливалась по этим улицам, стояла около этих фонарей, бродила вдоль этого берега, а вода касалась ее ног. Я также представляла ее сестер – озорную Беатрис, которая хулиганила везде, где оказывалась; Изабель, которая всю свою жизнь оплакивала потерянную любовь и покинула нас почти два года назад; и Марию, самую младшую из моих двоюродных бабушек, которая в момент отъезда была совсем ребенком.

Панорама района напомнила мне испанские улочки Корал Гейблс, и мне стало понятно, почему бабушка выбрала именно эту часть Майами, когда переехала в Соединенные Штаты. Именно там она попыталась воссоздать страну, которую любила и которой была лишена.

Среди деревьев преобладали огромные пальмы, их переплетенные тонкие стволы являлись доказательством того, что острову приходится сопротивляться нападкам природы, которая так часто обрушивает на него ураганы. Здания пребывали в разной степени упадка и выглядели так, словно были призраками жизни, разрушенной революцией. А рядом с полуразвалившимися домами возвышались современные гостиницы, построенные для привлечения европейских туристов, и пестрели вывесками магазины и бары, ориентиро-

ванные на ту же клиентуру. В стороне одиноко стоял неработающий фонтан. Он был разбит, украшавшие его русалки грустили без дела. Казалось, будто злой волшебник наложил на него свои чары.

Мы продолжали ехать, жизнь на улицах кипела, люди шли по своим делам или стояли на остановках в ожидании автобуса.

Мы выехали на улицу Кинта Авенида, на которой выстроились в ряд здания посольств. Я увидела большие дома, окруженные заросшими лужайками, увидела пустые бассейны во дворах. Здесь было больше пространства, участки домов были более просторными, и, судя по состоянию зданий, Мирамар показывал лучшие результаты по сравнению с другими районами Гаваны, несмотря на то что даже здесь состояние домов сильно отличалось от привычного мне. Не говоря уже о блеске и великолепии, о которых рассказывала мне бабушка.

Дома походили на роскошные европейские поместья, материалы привозили из Франции и Испании на огромных кораблях. Кусты и деревья были идеально подстрижены, повсюду цветы, в воздухе чувствовался аромат апельсинов, а мы скрывались от солнца в тени огромных пальм.

Луис указал на здание российского посольства, когда мы проезжали мимо. Его было невозможно не заметить – высокое здание, похожее на ракету, взмывающую в небо.

Большой автомобиль Луиса, словно корабль, преодолел

один поворот, и мы оказались на улице, где раньше жила моя семья.

Луис остановил машину напротив дома. Несмотря на поблекшую краску, я сквозь железные ворота сразу узнала этот дом.

Он был выкрашен в светло-розовый – такой цвет бывает у внутренней стороны ракушек. Беатрис обожала стоять на балконе второго этажа словно королева перед двором.

А где же я была в это время?

Наверное, вместе с Марией плавала в бассейне. Или читала в библиотеке. А после мы вместе шли на кухню, и повар, не дожидаясь обеда, угощал нас чем-нибудь вкусненьким. Мама очень не любила такие перекусы, но запретный плод сладок.

Я сняла очки и вышла из машины. Направляясь к дому, рассматривала пальмы, а потом остановилась перед входом. Беатрис мне рассказала, что дом был построен в стиле барокко предыдущими поколениями семьи Перес. То, что я видела перед собой, не было похоже на фотографии, которые мне показывали друзья нашей семьи и бывшие сотрудники компании. Но отголоски былой роскоши еще чувствовались.

– Кто теперь здесь живет? – спросила я Луиса, когда он подошел и остановился рядом со мной. Он стоял молча, держа руки в карманах своих брюк цвета хаки. Рукав его рубашки касался моего голого плеча, и я физически ощущала тя-

жесть его тела.

– Несколько десятков лет назад сюда переехал российский дипломат, – у него перехватило дыхание, когда наши руки соприкоснулись. – Я тогда был подростком.

Спальня моей бабушки находилась в задней стороне дома. Из ее окна открывался вид на океан, и я сгорала от желания оказаться сейчас там.

– Сейчас кто-то есть дома?

Может быть, мне удастся уговорить их впустить меня? Из всех мест, из которых мне нужно было выбрать то, где упокоится прах моей бабушки, дом ее детства казался лучшим вариантом.

– Сейчас никого нет.

Солнце освещало здание, добавляя ему сияние, украшавшее все вокруг. Небо было невероятного голубого цвета, казалось, оно вместило в себя все оттенки синего, которые только можно представить. Белые облака оживляли картину.

Никогда раньше я не видела ничего более прекрасного.

– Он прекрасен, – прошептала я, обращаясь скорее к себе, чем к Луису. Я сделала шаг вперед и руками прикоснулась к железным воротам, закрывающим доступ на территорию.

Были только я и дом, все остальное словно перестало существовать.

Прошла одна минута. Две.

Неохотно я опустила руки – мне не хотелось уходить. Когда я повернулась к Луису, то увидела, что он смотрит не на

дом, а на меня.

— Мы можем продолжить? Я достану багаж, и вы разместитесь в вашей комнате? — уточнил он, избегая моего взгляда.

Я лишь кивнула, не в силах произнести ни слова.

Луис жестом показал мне, куда идти. Я снова вызвалась самой нести свои сумки, но получила отказ. Я пошла по тротуару к соседнему дому, а Луис следовал за мной.

Дом семьи Родригес оказался трехэтажным. Он был выкрашен в бледно-желтый цвет. По сравнению с другими строениями состояние этого дома было вполне удовлетворительным. Здание с достоинством встречало свою старость. Вдоль одной стены расположился ресторан — знак того, что обитателям этого дома пришлось изменить свое положение в обществе. Люди толпились на улице, там, где стояли столики. Большие, от пола до потолка, стеклянные двери открывались внутрь, и можно было рассмотреть интерьер обеденного зала.

Мы прошли по дорожке, посыпанной гравием, и Луис повел меня к главному входу. Двери открылись со скрипом, и мы вошли внутрь. Прихожая была отделана мрамором, местами уже потрескавшимся, но, несмотря на это, выглядела она очень впечатляюще. Судя по пустым местам на стенах и в комнате, большое количество предметов интерьера было продано, а те, что остались, сохранились в хорошем состоянии, несмотря на возраст.

Бабушка рассказывала, что семья Анны занималась бизнесом по производству рома, пока Кастро его не национализировал, но даже пятьдесят лет коммунизма не смогли стереть следы бывшего богатства.

Стены были выкрашены в пастельный зеленый цвет. На одной висело тяжелое зеркало в позолоченной раме, украшенной ирисами. В некоторых местах позолота потемнела. Другая была увешана картинами вперемешку со старыми фотографиями. С потолка свисала люстра, двойная лестница вела на второй этаж.

– Очень красивый дом.

Луис снял очки и улыбнулся.

– Благодарю.

– Марисоль?

Я обернулась.

Она вышла из дверного проема со стороны коридора. Несмотря на то что прошло пятьдесят лет, я сразу узнала в ней ту девочку, которая смотрела на меня со старых бабушкиных фотографий.

Анна Родригес была миниатюрной женщиной – на несколько сантиметров ниже меня – со стройной фигурой. Завитки ее темных волос выглядывали из-под ушей, на щеках был румянец, а на лице – широкая улыбка.

В три шага она пересекла коридор, распахнула руки и обняла меня.

– Марисоль.

Она произнесла мое имя с такой любовью, что, если у меня и оставались сомнения, стоит ли мне останавливаться в чужом доме, они мгновенно улетучились. Она встретила меня так, как бабушка встречает родную внучку, вернувшуюся после долгого отсутствия. Я утонула в ее объятиях, и мои глаза наполнились слезами. Что-то в ее жестах, в том, как она держалась, напомнило мне бабушку. Она пахла ароматами кухни – я мгновенно узнала запах мохо⁴ и черных бобов, а на талии у нее был повязан передник.

Не скажу, что считаю себя плаксой, но учитывая все обстоятельства – с одной стороны, мое горе, с другой – волна ностальгии, – мне было непросто справиться с эмоциями. Истории, которые я слышала в детстве, стали реальностью. Куда бы я ни посмотрела, я ощущала дух бабушки, дух моей семьи, наше наследие.

Анна улыбалась, а в ее карих глазах стояли слезы.
– Ты похожа на Элизу.

Так и есть. Я унаследовала от бабушки черные волосы. Как и у бабушки в молодости, волосы у меня были длинные. У меня такой же овал лица – в форме сердечка. И у меня ее рот. А еще я унаследовала ее миниатюрную фигуру.

В глазах Анны промелькнул огонек.
– Хотя и от Беатрис есть немного.

Более приятного комплимента невозможно представить. Тетя Беатрис – самая красивая в нашей семье. Истории о

⁴ Пряный соус, популярный в канарской кухне.

том, как она разбивала сердца, стали легендами.

– Благодарю вас.

– Как она? Как Беатрис?

– Хорошо. Она передала вам подарки.

– Она все еще...

Ей не нужно было заканчивать фразу.

Я захихикала.

– Ну разумеется.

Моя двоюродная бабушка была причиной многих скандалов, которые не знали границ и охватывали целые страны и континенты.

– А Мария?

– У нее все хорошо. Она занимается внуками – моими двоюродными братьями и сестрами.

– Я расстроилась, когда узнала про Изабель. И про твою бабушку.

Я кивнула – эмоции были слишком сильны, чтобы что-то говорить. Благодаря этому дому я чувствовала себя так, словно перенеслась во времени и очутилась на месте моей бабушки, и от этого мне стало еще грустнее. У горя есть один нюанс – никогда не знаешь, когда оно обрушится на тебя.

Анна взяла меня за руку и повела вперед, Луис остался позади нас.

– Пойдем. Я отведу тебя в твою комнату. Ты наверняка устала после перелета. Отдыхай, а после мы с тобой поболтаем.

Я не стала сопротивляться, и она повела меня вверх по огромной лестнице в приготовленную для меня гостевую комнату. Анна, не вдаваясь в подробности, объяснила, что дом был разделен на апартаменты, в которых сейчас проживают другие семьи.

Луис шел за нами, держа в руках сумки.

Мы остановились перед тяжелой деревянной дверью, выглядящей так, словно она принадлежала какому-то испанскому монастырю.

– Надеюсь, тебе будет удобно в этой комнате, – сказала Анна, толкнув дверь.

Спальня оказалась маленькой и чистой, окна были открыты, и белые льняные занавески колыхались от легкого ветерка. Кровать была придвинута к стене, рядом с ней стоял старый деревянный стол. Букет разноцветных цветов в потрескавшейся стеклянной вазе стоял на столе. В углу был шкаф, выполненный в том же стиле, что и остальная мебель, а на стене висело зеркало, по краям которого я заметила сколы и пятна. Зеркало было украшено крупными сердоликами.

– Комната отличная.

И так оно и было.

Луис поставил мои сумки рядом со шкафом и, принеся извинения, ушел, оставив меня наедине с Анной.

Она снова обняла меня, и я утонула в ароматах, исходивших от нее.

– Отдыхай. Поговорим позже.

Она ушла, закрыв за собой дверь, и я закончила осматривать маленькую комнату, распаковала сумки и переоделась в пижамные штаны и топик. Я отложила в сторону подарки, которые привезла Анне в знак благодарности за то, что она приняла меня у себя – я потратила не один час, прочесывая Интернет в поисках советов для путешественников, и надеялась, что гостинцы ей понравятся.

Я залезла под покрывало и посмотрела на потолок. С каждым мгновением мои веки становились все тяжелее и тяжелее. В голове прокручивались события сегодняшнего дня, и я ощущала прилив адреналина.

Я повернулась на бок, накрываясь с головой старенькой простыней, и глаза мои сами закрылись. Я ощущала аромат гардении, о котором рассказывала бабушка, аромат жасмина, запах жареной свинины, доносившийся из ресторана. Я услышала слабые звуки саксофона и узнала знакомую мелодию *La Bayamesa*.

Все это и было моей семьей, моим домом, моими корнями. Я могу сидеть в элегантной резиденции бабушки в Корал Гейблс или находиться где-нибудь в Европе, но где бы я ни была, главным для меня остается аромат мохо и мелодии моего народа.

Ветерок разбросал по подушке мои волосы, а аромат жасмина возродил в памяти воспоминания о том времени, когда я была маленькой девочкой – я вспомнила бабушкины духи и то, как она поглаживала меня по голове, когда укладывала

спать.

Расскажи мне историю.

Когда я была маленькой девочкой и жила на Кубе...

Я провалилась в сон.

Глава 3

Элиза

Гавана, сентябрь 1958

Идеальное платье для сегодняшнего вечера – элегантное, но не слишком вычурное, в отличие от платьев, которые мама заказывает нам из-за границы, с декольте чуть более дерзким, чем я обычно ношу, с подолом, обнажающим икры, загоревшие у бассейна в загородном яхт-клубе «Гавана Билтмор».

Я достаю из шкафа белое платье от Мане, мои пальцы скользят по кружеву. Пышная юбка, узкая талия, лиф украшен нежно-розовыми цветами. Я купила его в прошлом месяце, когда мы с Беатрис ездили за покупками в Эль-Энканто, и ждала удобного случая, чтобы надеть его. После того как мама с отцом уехали в Варадеро, я стащила из ее шкафа пару бледно-розовых туфель, которые будут отлично сочетаться с цветами на лифе.

Я быстро одеваюсь, с трудом справляясь с крошечными пуговицами на спине. Надев платье, я роюсь в ящике дере-

вянного туалетного столика в углу спальни, выбираю пару сережек и смотрю на свое отражение в тройном зеркале, висящем над столиком. Я выбираю один из стеклянных флаконов, стоящих на столике, брызгаю духами на запястья, наношу капельку за уши. Этим ароматом я пользуюсь в особых случаях.

– Ну что, готова? – Моя сестра Изабель шипит с порога моей комнаты, не спуская глаз с коридора. Никто из слуг, вероятно, не донесет на нас, но вот насчет Магды я бы не была так уверена. Няня считает себя почти что членом семьи, и ее так же заботит репутация фамилии Перес, как и нашу маму. А сегодня мы собрались на вечеринку, которая отличается от тех, что мы обычно посещаем, наряженные в бальные платья, с длинными белыми перчатками на руках и тяжелыми бриллиантовыми ожерельями на шее.

Рассматривая наряд Изабель, я выразительно поднимаю брови. Похоже, я не единственная, кто совершил набег на гардероб нашей матери. Это платье наша мама уже надевала на вечеринки – черное, приталенное и гораздо более смелое, чем все то, что она когда-либо позволяла нам носить. Если это выбор Изабель на сегодняшней вечер, то я могу только догадываться, в чем появится Беатрис.

– Я уже готова.

Я беру со столика клатч и провожу пальцами по бусинкам.

– А где же Беатрис? – спрашиваю я, стараясь говорить очень тихо. Магда обладает сверхъестественной способно-

стью подкрадываться к нам в самый неподходящий момент. Этот урок Мария усвоила лучше всех – есть свои недостатки в том, чтобы быть самой младшей в семье.

– Жду тебя в машине.

Машина была поводом для еще одного сражения с нашей мамой, которое Беатрис в конце концов выиграла.

Изабель снова посмотрела в коридор.

– А Мария? – спросила я.

– Она спит.

Скрыть эту вылазку от младшей сестры для нас было так же важно, как скрыть ее от Магды. Мария научилась шантажировать так виртуозно, что ей мог бы позавидовать президент Батиста. А цена за то, что она не расскажет родителям о нашем побеге на вечеринку, наверняка будет несоизмеримо выше той, что мы готовы заплатить. В прошлый раз, когда Мария застучала Изабель пробирающейся в дом после свидания, она потребовала себе ее любимые жемчужные серьги и платье, привезенное из Парижа.

Я иду следом за Изабель по коридору, наши каблуки стучат по мраморному полу. Этот дом был построен в середине восемнадцатого века родоначальником семьи Перес, французским корсаром, который сколотил состояние за счет доходов, добытых нечестным путем, и удачно женился на девушке из хорошей семьи с безупречным происхождением. Он построил для нее особняк, считавшийся одним из самых больших и роскошных в Гаване, который в течение многих

лет ремонтировался и обновлялся различными представителями семьи Перес. В результате получился просторный дом, богато отделанный сусальным золотом и мрамором. Я всегда считала, что у корсара денег было больше, чем вкуса, но учитывая, что после свадьбы он получил в придачу титул, этого было достаточно, чтобы наша мать с гордостью называла его своим предком.

Богатство нашей семьи зародилось на контрабанде и других, более гнусных делах, которыми промышлял корсар. Но со временем его дети и внуки начали привносить свой вклад в семейное состояние, и благодаря одному выгодному браку в конце девятнадцатого века Пересы превратились в сахарных баронов.

Сахар определил судьбу Кубы, и это было ей на благо, но одновременно привело ее к гибели.

Сейчас корсар смотрит на нас сверху вниз, пока мы на цыпочках проходим через зал, и хотя остальные наши предки, похоже, не одобряют этот маленький мятеж, сидя на своих масляно-холщовых насестах, я думаю, что будь жив наш предок-пират с его темными волосами и еще более темными глазами, в которых горит озорной огонек, он от всей души одобрил бы то, что мы сейчас делаем.

Перед тем как ступить на лестницу, мы одновременно раздуваемся. Несмотря на то, что сегодня тепло, ногами я ощущаю холодный мрамор. Луна бросает на ступеньки лучи серебристого света. Мы замираем, когда слышим звуки, доно-

сящиеся со стороны кухни и распространяющиеся по всему дому.

Неужели одна ночь свободы стоит того, чтобы так рисковать? Какое наказание нас ждет?

На какое-то время нас вышлют из города. Заставят посещать чаепития и обеды, вечеринки, на которых сын одного из деловых партнеров нашего отца будет сменять сына другого. Иными словами, обычная жизнь.

Они сейчас воюют в восточных провинциях Кубы. В Ориенте – мальчишки, которые ненамного старше меня и которые должны были учиться в университете, если бы Батиста из-за своего страха не закрыл Гаванский университет много лет назад. Революционеры сражаются по всей стране, штурмуют президентский дворец, стремятся свергнуть правительство, покончить с коррупцией Батисты, но за высокими стенами нашего дома в районе Мирамар царят старые порядки. У моей матери нет времени на революции; по всей стране хаос, а у нее балы и чаепития.

Для кубинцев наступило странное время – мы чувствовали, что что-то происходит, мы слышали грохот, но продолжали жить так, будто все идет своим чередом. Еще более странное время наступило для кубинских женщин – у нас появилось право голоса, но какой смысл в голосовании, когда результаты выборов предreshены? Женщины нашей семьи учатся в лучших школах, растут в окружении преподавателей, каждый из которых изрядно от нас натерпелся, осо-

бенно от Беатрис. Но женщины семьи Перес не должны работать, как бы им этого ни хотелось. Мы – бесполезные птицы, сидящие в золотой клетке, пока наши землячки служат в правительстве, а некоторые даже затевают революцию. Времена изменились на нашем маленьком острове. Небольшой костер превратился в огромное пламя, охватившее всю Кубу, между тем наши поместья – словно преграда на пути модернизации, перемен и свободы.

Вот почему мы время от времени совершаем чрезвычайно глупые поступки – например, тайком выбираемся из дома глубокой ночью. Когда стоишь рядом с пламенем, пожирающим все вокруг тебя, искры от огня обязательно попадут на подол твоей юбки.

Мы добираемся до входной двери, один раз останавливаясь, чтобы пропустить служанку, которая завершает свои ночные обязанности, напевая себе под нос какую-то песенку. Как только горничная заканчивает вытирать пыль со стола в прихожей, Изабель выходит первой, а я иду следом и, поморщившись, закрываю за собой тяжелую входную дверь. Я снова надеваю мамины туфли и замираю при виде Беатрис, которая стоит, прислонившись к своему кабриолету.

Ее платье выглядит так, словно оно нарисовано на ее роскошном теле. Я не знаю, где она его купила или где прятала, но такое платье надевают, когда хотят устроить скандал. Беатрис в этом поднаторела.

Из всех дочерей Эмилио Переса Беатрис самая эпатаж-

ная. Она просто обожает ходить по острию ножа. Спорит с нашими родителями о поступлении в университет, хочет изучать право, цитирует философов и радикалов. Именно она настояла на том, чтобы мы улизнули сегодня ночью.

– Ну что, вы готовы? – спрашивает Беатрис. Ее взгляд скользит по мне. Она не говорит ни слова, и я немного расслабляюсь. Элегантный вкус Беатрис признают все в Гаване.

– Я думала, мы говорили о благоразумии, – ворчит Изабель рядом со мной. – Не очень-то благоразумно с твоей стороны припарковать свою машину перед домом, где все могут ее увидеть.

– Никто ничего не скажет, – усмехается Беатрис. – Они слишком боятся нашу маму, чтобы обсуждать эту тему.

Отец управляет своим бизнесом, но мать управляет нашим домом твердой рукой, усыпанной драгоценными камнями.

– Ты слишком беспечна, – парирует Изабель.

Я отключаюсь от их перебранки – это обычное дело для нас. Мой взгляд скользит по высоким каменным стенам и останавливается на доме моей лучшей подруги Анны. Я считаю окна так, как делала уже много лет, пока не добираюсь до второго этажа и не останавливаюсь на третьем. В ее спальне горит свет...

– Элиза!

Изабель садится на заднее сиденье машины и машет мне рукой, в то время как Беатрис, несмотря на свое тесное, ско-

ывающее движения платье, проскальзывает на водительское место.

Я отправляюсь в ночь вслед за сестрами.

Вечеринка проходит в доме в Ведадо, в нескольких кварталах от университета Гаваны. Хозяин дома – друг Альберто – молодого человека Изабель. Беатрис выбирает место для парковки, и как только она останавливается, мы выходим из машины. Я иду следом за ней и Изабель. Гости выходят из дома на улицу, а сам дом, наполненный шумом и музыкой, сотрясается от смеха.

Он представляет собой довольно симпатичное двухэтажное строение, выкрашенное в чистый белый цвет. На втором этаже есть балкон, на который выходит все больше гостей. С первого взгляда становится понятно, что мы перестарались с нарядами. В этом нет никаких сомнений. С таким же успехом мы могли бы просто объявить всем присутствующим, что мы не отсюда, что мы из другой части города. Наша главная задача сегодня – остаться неузнанными; наши имена и лица довольно хорошо известны, но я сомневаюсь, что те, кто пришел сюда сегодня, проводят много времени за чтением светской хроники в Диарио-де-ла-Марина.

Беатрис пробирается сквозь толпу, покачивая бедрами. Очевидно – она вышла на охоту. Она так настаивала на том, чтобы мы приехали сюда сегодня вечером, что мне начинает казаться, что Изабель – не единственная, кто встречает-

ся с мужчиной, которого не вполне одобряют наши родители. С другой стороны, если бы Беатрис встречалась с кем-то неподходящим, она бы ни за что не стала держать это в тайне. Наоборот, она бы с гордостью всем его представила и усадила бы за большой обеденный стол – его наша мама привезла из Парижа, чтобы посоревноваться со своей конкуренткой и по совместительству лучшей подругой, которая свой обеденный стол привезла из Англии.

Из проигрывателя доносится мелодия Бенни Море, там и тут я вижу танцующие пары. Дистанция между телами чуть меньше, чем это принято на официальных вечерах, которые организует наша мама, руки танцующих спускаются чуть ниже, пальцы сжимают ткань, щеки прижаты друг к другу. Женщины танцуют с той свободой, которую я жажду, их бедра изгибаются, их движения не оставляют сомнений в том, что эти женщины вовсе не стесняются той женственности, которой наградил их Бог. Воздух переполнен страстями, они проникают во все щели и углы, прячутся за сцепленными руками, парят над склоненными головами. Это просто какое-то безумие, от которого нет спасения.

Толпа поглощает Изабель и Беатрис, и я остаюсь одна. Я стою в своем слишком официальном платье и ощущаю себя словно на задворках вечеринки. Я ищу хоть одно знакомое лицо, кого-то, кто, как и я, оказался там, где не должен находиться. Меня переполняют чувства – ярываюсь между дискомфортом от грубых и непристойных эмоций, царящих

здесь, и легкой зависти.

Я беру один из напитков, которые щедро предлагаются гостям, ром кажется мне слаще и крепче, чем все то, что я обычно пью. Я нахожу удобное место у стены, откуда могу наблюдать за всеми. В такой семье, как моя, быстро привыкаешь следить за происходящим, оставаясь в тени. Я никогда не была такой, как Беатрис, для которой нет большего счастья, чем риск. И я не такая, как отчаянно влюбленная Изабель, или как Мария, склонная к вспышкам гнева. Мне более чем достаточно просто стоять, время от времени делать глоток рома, слушать музыку и смотреть, как танцуют пары. По крайней мере до сегодняшнего дня было именно так.

Пока я не увидела его.

Странно то, что сначала я заметила костюм, а только потом мужчину, который был в него одет. Кубинское общество скромностью не отличается; мы щеголяем своим богатством и статусом, как павлины. Этот мужчина павлином не был. Его костюм не был скроен безупречно, он не сидел идеально по фигуре, и он не был предназначен для того, чтобы произвести впечатление. Это был практичный, абсолютно черный костюм, надетый на высокое худое тело. Именно эта простота меня привлекла – я уже порядком устала от павлинов.

Незнакомец разговаривал с двумя другими мужчинами, засунув руки в карманы и опустив глаза. У него было суровое лицо – волевой подбородок, острые скулы и удивительно полный, сочный рот. Его кожа была на пару оттенков темнее

моей, а черные волосы вились беспорядочной копной.

На его лице не было улыбки.

Я потягивала ром, наблюдая за ним и пытаюсь угадать его возраст. Большая часть гостей выглядит немного старше меня – возможно, им чуть за двадцать – и, хотя облик незнакомца довольно строгий, он не кажется сильно старше остальных.

Он говорит быстро и активно жестикулирует.

Я постукиваю ногой в такт музыке и в такт биению моего сердца в те моменты, когда смотрю на него. Я хочу, чтобы он тоже посмотрел в мою сторону и заметил меня.

Чудесным образом так и происходит. Может быть, мое платье немного волшебное.

Посреди разговора он поворачивается, и его руки застывают в воздухе. Он становится похожим на дирижера, исполняющего симфонию. Он оглядывает толпу, в глазах та же жесткость, что и в выражении его лица. За этой жесткостью скрывается жажда – жажда, которую я видела раньше, – та самая, с которой смотрят на мир и не боятся сказать, что он недостаточно хорош, не боятся требовать большего, не боятся требовать перемен. Он выглядит как человек, который верен своим убеждениям, что в наши дни очень пугает.

У меня перехватывает дыхание.

Его зрачки расширяются, будто он слышит мое дыхание сквозь мелодию Бенни Море, сквозь веселье и грех, наполняющие вечеринку.

Незнакомец не кажется бессердечным, просто жизненные испытания ожесточили его. Он останавливает на мне свой взгляд, и губы его на мгновение замирают. Он не отворачивается, не делает вид, будто смотрел на что-то другое и случайно взглянул на меня – он не делает ничего из того, что требуют правила приличия. Напротив, он продолжает рассматривать меня, и медленно, очень медленно по его лицу расплывается улыбка, отчего лицо становится неожиданно красивым.

Я замираю, слыша в голове мамин голос – *не ерзай, улыбайся – не слишком сильно – расправь плечи*, – пока голос не растворяется в шуме вечеринки, которую она никогда бы не одобрила. Через мгновение незнакомец уже стоит передо мной. Он немного выше и немного шире в плечах, чем казался, когда был на другом конце комнаты.

Я сглатываю, поднимаю голову и смотрю в серьезные карие глаза.

– Привет, – говорит он, произнося совершенно обычное приветствие голосом, в котором тоже нет ничего особенного.

– Привет, – эхом откликаюсь я, в промежутке между приветствиями прокручивая в голове тысячу догадок о том, кто он такой, что он делает, почему он пересек комнату, чтобы поговорить со мной.

Уголки его губ поднимаются, а взгляд немного смягчается.

– Меня зовут Пабло.

Я несколько раз про себя повторяю имя незнакомца, чтобы оценить его звучание, и только потом называю свое:

– Элиза.

Кто-то проносится мимо и толкает меня локтем. Я подаюсь вперед, ром из моего стакана выплескивается и едва не попадает на черный костюм Пабло. Он протягивает руку, чтобы поддержать меня, его ладонь прикасается к моей руке.

Я моргаю, пытаюсь прийти в себя. Мой стакан – не единственное, что потеряло точку опоры.

– Раньше я не видел тебя на вечеринках у Гильермо, – говорит Пабло.

Гильермо, должно быть, хозяин дома, друг друга друга или что-то в этом роде молодого человека Изабель.

– Я никогда раньше не была здесь.

Пабло кивает, на его лице все то же серьезное выражение, и я пересматриваю свое предположение о его возрасте. Он явно старше, лет под тридцать или чуть больше.

Другой человек толкает меня в спину, и Пабло встает между мной и остальной толпой, он пытается поддержать меня, и его рука слегка сдавливает мой локоть.

Песня меняется, темп ускоряется, гости танцуют под энергичный ритм, а мы остаемся прижатыми к стене. Его рука продолжает поддерживать меня под локоть. Его длинные и тонкие пальцы... Он зарабатывает на жизнь физическим трудом, его поношенный костюм совсем не вяжется с публикой, собравшейся сегодня.

Пабло отпускает меня. Я смотрю вверх.

Его рот слегка приоткрыт, глаза прищурены, как будто он не знает, что делать дальше с девушкой, стоящей перед ним.

Еще одно тело врезается в нас. Ром из моего стакана снова выплескивается.

Пабло наклоняется ко мне, стараясь перекрыть громкую музыку и смех. Мое сердце колотится, нервы напряжены, и я замираю в предвкушении его слов.

– Ты не хочешь выйти на улицу? – спрашивает он. – Там гораздо тише.

У меня возникает ощущение, что в целом мире для меня сейчас нет ничего более естественного, чем протянуть ему руку и уйти вместе с ним с вечеринки.

Глава 4

Пабло ведет меня по дому, его походка одновременно расслабленная и уверенная. Мы пробираемся сквозь толпу, и я ищу глазами Беатрис и Изабель, но не могу их найти. Время от времени Пабло оборачивается и смотрит на меня, его пальцы касаются моей руки. Мы выходим в ночь и направляемся к пальме, растущей сбоку от дома. Во дворе уже почти никого нет. В этом районе участки земли маленькие и тесно прижатые друг к другу – двор, на который мы вышли, тоже плотно примыкает к соседнему.

Пабло оказался прав – на улице гораздо тише, вместо рева музыки и веселой толпы до нас доносится лишь низкий гул.

Я смотрю на небо, на звезды, сияющие прямо над нами, и пытаюсь взять себя в руки. Когда я перевожу взгляд на Пабло, то замечаю, что он смотрит не на меня, а вверх, на звезды, и глаза его полуприкрыты.

Я подпрыгиваю: вдалеке раздается грохот выстрела, потом еще один, и еще. Звуки доносятся из другой части города, но в наши дни они могут означать все что угодно: фейерверки, стрельбу или взрывы бомбы.

Я смотрю на Пабло, его внимание больше не обращено на небо, а сосредоточено на мне; выражение лица непроницаемо, как будто его совсем не трогают звуки насилия и вооруженного восстания.

– Это, наверное, не фейерверк, – говорю я, чувствуя, как колотится мое сердце.

– Наверное, нет, – соглашается он.

Я жду, что он скажет еще что-нибудь, прокомментирует недавние вспышки насилия, но он на удивление спокоен. Я привыкла к мужчинам, которые предпочитают говорить сами, оставляя за мной роль слушателя.

– Как давно ты знаком с Гильермо? – спрашиваю я, стремясь нарушить молчание. Здесь мы наедине, но на вечеринке было легче – музыка и люди заполняли паузы в разговоре. Теперь все зависит только от нас, и я не знаю, что говорить. Я умею болтать с представителями моего круга, с людьми, которые владеют искусством вести светскую беседу, не говоря при этом ничего конкретного, но я не могу себе представить, что подобный разговор возможен с молодым человеком – мужчиной, который сейчас стоит передо мной. Пабло выглядит так, словно, прежде чем что-то сказать, он осторожно взвешивает и внимательно анализирует каждое слово.

Пабло отвечает мне не сразу, его карие глаза пронзают меня насквозь, взгляд задерживается на моих ногах, и я тут же жалею о своем решении надеть прекрасные мамины туфли, привезенные из Парижа.

Его ботинки черные, и кожа на них местами потрескалась от долгой носки.

– Годы, – рассеянно отвечает он, не отрывая взгляда от моих нелепых туфель. – Мы знаем друг друга уже много лет.

Я переминаюсь с ноги на ногу и снова слышу мамин голос:
Не ерзай, Элиза.

Конечно, на этот раз мое легкое беспокойство вполне оправданно.

– Откуда ты знаешь Гильермо? – Я задаю очередной вопрос, стараясь не столько развить тему, сколько отвлечь его внимание от моей обуви. Его манера поведения делает меня немного смелее, я чувствую, что он тоже испытывает неловкость и напряжение, именно поэтому он молчит. На этот раз он смотрит мне в глаза, и на его губах появляется тень улыбки.

– Много лет назад мы вместе учились в юридической школе.

Гаванский университет уже два года как закрыт, значит, с его выпуска прошло какое-то время.

– А ты откуда знаешь Гильермо?

Настала его очередь задать этот вопрос.

– Я его не знаю. Он друг друга молодого человека моей сестры. Что-то в этом роде. Я приехала со своими сестрами.

Я чувствую, что мне не хватает воздуха. Делаю глубокий вдох. Потом еще один.

– Ты живешь здесь, в городе? – спрашиваю я, пытаюсь определить, к каким кругам гаванского общества его отнести.

– Да, я живу недалеко отсюда, чуть дальше по улице. Это не самый приятный район, но далеко не худший.

Когда он собирается задать мне следующий вопрос, в его глазах появляется огонек, и прежде чем слова слетают с его губ, я уже знаю, что эти дурацкие туфли выдали меня.

– Мирамар?

Я киваю, слегка смутившись от того, с какой уверенностью он это произнес – от того, с чем ассоциируется наш район. Самые богатые жители Гаваны обитают в своем собственном частном анклав, и весь остальной город знает об этом.

С самого рождения мне внушали, что я должна гордиться тем, что являюсь частью семьи Перес. Нас всех так воспитывали. Мы все вносим вклад в поддержание общего престижа. Нам внушалось, что мы ни при каких обстоятельствах не должны запятнать честное имя Перес, каждое наше слово, каждое действие отражается на репутации семьи. На наших плечах лежит наследие предков.

Однако сейчас, в процессе разговора, я почувствовала себя неуверенно – мне захотелось представлять собой что-то большее, иметь возможность реализовать свои карьерные амбиции или что-то в этом роде. Я понимала, что многие мои соотечественницы гораздо успешнее меня.

Благодаря настойчивости нашего отца мы получили прекрасное классическое образование. Благодаря влиянию нашей мамы мы были обучены искусству развлекать – устраивать обеды, организовывать благотворительные мероприятия. Мы воспитывались словно живые украшения из плоти и крови, которые являлись лишь дополнением к прочим атри-

бутам нашей семьи. Но времена на Кубе меняются – сколько мы еще сможем оставаться украшениями?

Пабло делает несколько шагов вперед, прежде чем снова повернуться ко мне лицом. Его плечи напряжены, и я удивляюсь тому, насколько он худой – костюм свисает с его плеч.

– А каково это, жить в Мирамаре? – спрашивает он.

– Наверное, именно так, как ты себе представляешь.

У меня такое чувство, будто я стала любопытным объектом, экспонатом вроде крокодилов в Гаванском зоопарке – где эти могучие животные загорают на солнце и с презрением взирают на глазающих туристов и местных жителей, тычущих в их сторону пальцем и восклицающих, пораженные их размерами. Когда ты одна из семьи Перес в Гаване – одна из сахарных королев, – то можешь решать, стоит ли брать плату за возможность заглянуть в твою жизнь, о которой постоянно печатаются истории в «Диарио де ла Марина» и других подобных изданиях. Беатрис обожает всеобщее внимание к своей особе, Изабель пытается избегать славы, а я нахожусь где-то посередине. Мария еще слишком молода, и подобные вопросы ее не интересуют, ее главные развлечения по-прежнему – игры в бассейне во дворе нашего дома.

– Отмахиваешься от предложений руки и сердца и целыми днями ходишь по вечеринкам? – поддразнивает меня Пабло.

В ответ я фыркаю самым неподобающим для леди образом.

– С вечеринками ты угадал, а вот с предложениями руки и сердца нет.

– Значит, мужчины в Мирамаре просто дураки.

Он говорит легким, шутливым тоном, но серьезность в его взгляде заставляет мое сердце забиться чаще.

Внезапно я теряю самообладание и отворачиваюсь в сторону моря, которое я не вижу, зато слышу шум волн, разбивающихся о набережную Малекон.

Голос Пабло доносится откуда-то позади меня, из темноты ночи.

– У тебя не застегнута одна пуговица. На твоём платье.

Я сглатываю.

– Можно я застегну? – спрашивает он.

Я киваю, во рту у меня пересохло. Мама пришла бы в полный ужас, увидев, что ее дочь стоит на подобной вечеринке, а незнакомый мужчина застегивает ей платье. Мама была бы в шоке, но я все же поворачиваюсь, поднимаю волосы и отбрасываю их набок, обнажая перед ним свой затылок.

Дрожь пробегает по моему телу.

Пабло встает позади меня, достаточно близко, чтобы его руки коснулись линии крошечных пуговок, бегущих вниз по моей спине. Кажется, проходит целая вечность, прежде чем его пальцы просовывают пуговицу в узкую петельку, приводя застёжку в порядок. Может быть, это лишь плод моего воображения, но я клянусь, что, когда он коснулся меня, его пальцы дрогнули, а возможно, это дрожит мое собственное

тело. В том, что сейчас происходит, есть что-то новое, это застигает меня врасплох. Ощущения одновременно и знакомые, и неведомые – и я не могу игнорировать внутренний голос, который теперь вытеснил голос моей матери:

Обрати внимание. Это очень важно. Он очень важен.

Пабло делает глубокий вдох и отступает назад. Я поворачиваюсь к нему.

Его лицо принимает удивленное выражение – как будто ситуация застала его врасплох.

– Ты очень молода, так ведь?

В этих словах слышится легкое неодобрение, но кажется, что обращено оно скорее к нему самому, а не ко мне.

Я сглатываю и наклоняю голову, отказываясь поддаваться страху.

– Мне девятнадцать.

Мне девятнадцать лет, а я всего лишь избалованная птичка, живущая в золотой клетке.

Он тихонько смеется, проводя рукой по волосам. Они сильно отросли, и прическа выглядит неухоженной, как будто он уже давно не посещал парикмахера. Это резко контрастирует с его чисто выбритым лицом. Его кожа кажется слишком загорелой для адвоката, который проводит дни в закрытом помещении за письменным столом. Мой отец знает множество адвокатов, которые ему кланяются и лебезят перед ним. Интересно, этого он знает?

– Девятнадцать. Ты еще очень молода.

Он произносит эти слова так, словно обращается не ко мне, а разговаривает сам с собой.

У меня есть старшие сестры. Возможно, мое общение с интересными мужчинами и в самом деле ограничено, зато я отлично умею постоять за себя, если необходимо.

– А тебе сколько лет?

Я задаю этот вопрос так, словно бросаю ему вызов.

– Тридцать.

Такой ответ меня не шокирует: мама давным-давно перестала отмечать дни рождения, но колоссальная разница в возрасте между моими родителями очевидна.

– Не так уж и много, – говорю я, хотя не уверена, что он говорит только о количестве прожитых лет. Рядом с ним я чувствую себя молодой и наивной. В отличие от меня он кажется *интересным* – в нем чувствуются внутренний стержень и опыт.

– Возможно.

Он замолкает на мгновение. Я ощущаю, будто между нами захлопнулась дверь, и разговор кажется завершенным.

– Мне пора. – Я делаю шаг в сторону от него.

Пабло слегка наклоняет голову и произносит:

– Мне очень жаль.

Я не двигаюсь с места.

– Я не должен был... – Его голос прерывается, и он качает головой. – У меня сегодня отвратительное настроение. Я пришел сюда не ради вечеринки, а только для того, чтобы

поговорить с Гильермо. И уж точно не ожидал, что познакомлюсь с тобой. Хотя это не оправдывает мою грубость. — Он глубоко вздохнул и продолжил: — Недавно умер мой друг. Я пришел, чтобы поговорить об этом с Гильермо. Я... — Пабло снова замолчал, словно пытаюсь подобрать нужные слова. — Я не знаю, что делать, — наконец произнес он.

— Мне очень жаль, что твой друг умер.

Мои ноги, обутые в эти дурацкие напыщенные туфли, делают сначала один шаг к нему, потом еще один.

Я кладу руку ему на плечо, подол моего платья касается его брюк. Я ощущаю аромат табака и пряностей. Я чувствую, как от прикосновения моей ладони тело его напрягается. Глаза его широко раскрыты.

То, что я сейчас делаю, то, что я прикасаюсь к едва знакомому мужчине, — совершенно неуместно.

Все, что происходило сегодня вечером, выходило за рамки правил приличия. И Пабло действительно повел себя грубо. Мне стоит вернуться в дом, найти своих сестер и поехать домой. Этот мужчина явно не из тех домашних мальчиков, с какими родители постоянно меня знакомят. У Пабло есть одно преимущество, которое невозможно не заметить.

Это огонь, который уже успел коснуться подола моего платья.

— Он был хорошим другом?

— Он был хорошим человеком, — помолчав, отвечает Пабло. Он делает шаг назад, увеличивая дистанцию между на-

ми. Он делает то, что должна делать я, но логика и здравый смысл, похоже, покинули меня, умчавшись в вихре юбок.

Забавно, что один маленький шаг может все изменить, но это действительно так. Пабло будто сдает территорию, отступая, и я ощущаю прилив смелости. Непонятно, по какой причине, но Пабло, так же, как и я, чувствует себя не в своей тарелке. И от этого я получаю уверенность в своей женской силе, о которой даже не подозревала. У меня возникает желание расправить плечи, поднять голову и встретиться с ним взглядом. Ресницы мои трепещут, и я счастлива оттого, что могу наконец пококетничать с ним, пусть даже наше общение ограничится только сегодняшним вечером.

В ответ он грустно улыбается, а в его глазах мелькает восхищение. Он прижимает руку к сердцу, и в его манерах читается легкая насмешка.

– Вы должны простить меня. Боюсь, я не смогу подобрать нужных слов. Никто никогда не предупреждал меня о том, насколько могут быть опасны дебютантки.

– И многих дебютанток вы знали? – спрашиваю я, стараясь сохранить шутливый тон, хотя ответ меня действительно интересует.

Я довольно рано узнала, что на свете много мужчин, готовых ухаживать за мной из-за моей фамилии, из-за того, что мой отец имеет власть – и они хотят заполучить эту власть в свои жадные руки, потому что мечтают о богатстве. Для них самый короткий путь – это надеть кольцо мне на палец.

Сейчас у меня не было ощущения, что Пабло – один из них, но тем не менее я старалась не терять бдительность.

– Ни одной.

У меня в животе затрепетали бабочки.

Мне действительно нужно вернуться в дом.

– Разве я представляю опасность? – я произношу это слово и понимаю, что мне нравится его вкус и звучание.

Выражение его лица становится мрачным.

– У меня такое чувство, что ты вполне можешь быть опасной.

Меня охватывает трепет.

– Я должен вернуться в дом, – говорит он, озвучивая мои мысли.

Он не двигается с места.

Мы оба, не моргая, смотрим друг на друга. Позади нас бушует океан, а мое сердце грохочет у меня в груди. Теперь я немного лучше понимаю Беатрис и Изабель, понимаю, что ими движет и почему они ради одной ночи свободы готовы пренебречь всякой осторожностью. Я испытываю такое сильное любопытство, как никогда раньше. Возможно, я в самом деле веду себя безрассудно.

Пабло выглядит неуверенно, когда с его губ срывается вопрос:

– Ты встретишься со мной завтра? На набережной Малекон?

– Да.

Глава 5

Марисоль

На ветхих мягких простынях и удивительно удобном матрасе я проспала дольше, чем планировала. К тому времени как я проснулась, послеполуденное солнце уже поблекло. Я потянулась взять мобильный. На Кубе сотовая связь ограничена, поэтому наличие телефона теряет смысл – на нем можно разве что посмотреть время. Часы показывали уже восемь вечера – я проспала три часа.

Было немного странно чувствовать себя отделенной от остального мира, от сестер, друзей, от редактора, но это часть опыта, который я приобрету за время моего кубинского путешествия. Это лишь сделает ярче мои впечатления от поездки на родину воспоминаний моей бабушки, жизнь на которой так не похожа на мою привычную жизнь дома, в Майами. На Кубе есть места, где можно подключиться к Интернету, но таких мест немного и связь обычно очень нестабильная. В частных домах доступ в Интернет отсутствует, и меня предупредили о том, что в течение недели, пока я буду жить в доме семьи Родригес, я буду отрезана от мира. Сотовая связь тоже не работает – есть только я и Куба.

Я вылезаю из кровати, подхожу к окну, отдергиваю занавеску и смотрю на открывающийся передо мной вид. Небо, раскрашенное в розовые и голубые тона, залито золотистыми лучами солнца, которое сияющим огненным шаром опускается к горизонту. Вид океана ошеломляет. На моей родине такой вид из окна стоит миллионы, и многие бы не пожалели денег на него. За свою жизнь я повидала немало прекрасных мест, но моя бабушка была права – это действительно рай.

Мой взгляд скользит по внутреннему дворику, расположенному под моей комнатой. Несколько столиков пустуют, но уже начала собираться толпа желающих отужинать. Звякают стаканы, столовые приборы стучат по тарелкам, а воздух наполняется ароматом черных бобов и риса. Я выросла на кубинской еде. С одной стороны, моя бабушка обожала готовить, с другой – улица Очо и ее окрестности изобиловали множеством кубинских ресторанов, поэтому черные бобы и рис всегда были основными продуктами в моем рационе.

Я замираю, когда замечаю Луиса. Он подходит к одному из столиков с тарелками в руках, ставит их перед семьей туристов и обменивается с ними несколькими словами на том же безупречном английском, на котором говорил со мной, когда встречал меня в аэропорту. Он легко расходится с одной из официанток, лавируя между столами, втиснутыми в крошечное открытое пространство – они словно двигаются в согласованном танце. Они проходят мимо друг друга, не говоря ни слова и не совершая лишних движений.

Луис, дружелюбно улыбаясь, что-то говорит еще одному посетителю, а потом смотрит на мое окно, и наши взгляды встречаются. Я не получаю от него улыбки, лишь только слабый наклон головы, а потом он исчезает из виду, меняясь местами с той самой официанткой – симпатичной брюнеткой.

В его отсутствие мое внимание снова переключается на живописный вид. Я смотрю на океан.

Вдруг я слышу звук саксофона – он низкий, навязчивый, каждая нота его болезненная и печальная. Музыка наполняет меня бурными эмоциями, и я нисколько не удивляюсь, когда саксофонист появляется в маленьком дворике, его глаза встречаются с моими, а губы обхватывают инструмент. Пальцы музыканта скользят по клавишам. Он играет для гостей, а мне становится понятно, откуда у него на пальцах мозоли.

Профессор истории. Музыкант. Официант.

Вот оно, наследие Кубинской революции – приходится грести изо всех сил, если хочешь оставаться на плаву.

Луис играет, не отводя от меня взгляда, от чего по моему телу пробегает дрожь. Его пальцы ласкают клавиши с привычной легкостью. До меня доносятся первые ноты «Гуантанамеры», и мурашки бегут по моей коже, а туристы где-то на заднем плане начинают вздыхать и аплодировать. Это прекрасная песня, знакомая каждому кубинцу, – баллада, взятая из нашего великого национального сокровища – поэмы Хосе Марти *Versos Sencillos* – и исполненная неподражаемой Селией Крус. Луис великолепно играет эту мелодию.

Я заставляю себя отойти от окна, проскальзываю обратно в комнату, освежаю лицо водой из умывальника, расположенного в углу, и поправляю макияж. Во влажном климате мои волосы начинают виться, а на Кубе очень влажно, поэтому сейчас пряди моих черных волос каскадом спускаются по спине, превратившись в дикую кудрявую гриву. Я достаю из сумки шарф и завязываю волосы на затылке. Через несколько минут я закрываю за собой дверь и выхожу в коридор.

Звуки, доносящиеся из кухни, эхом разносятся по всему дому, сквозь обшарпанный потолок слышны гулкие шаги жильцов в квартире наверху. Я иду на запах еды, спускаясь по выщербленной мраморной лестнице на первый этаж, туда, где находится ресторан. Кухня спрятана в задней части строения, и она оказывается удивительно маленькой для такой бурной деятельности, которая кипит в ее стенах.

Кухонная утварь старая, и нет сомнений в том, что ей постоянно пользуются. Ручки у некоторых приборов отломаны, отдельные части приделаны друг к другу. Стены увешаны посудой – нехватка свободного пространства компенсируется изобретательностью. Здесь нет причудливых медных кастрюль и сковородок, нет двойных духовок или промышленных печей, нет просторных столешниц – ничто не напоминает кухню моей бабушки в доме на Альгамбра-Серкл в Корал Гейблс.

Однако для еды, очевидно, это не имеет значения. Черные

бобы, рис, маду⁵ро и запеченная свинина ждут туристов, сидящих снаружи, и, судя по аппетитному запаху, исходящему из кухни, туристы будут довольны.

Три женщины суетятся по кухне – Анна Родригес, еще одна женщина, очень похожая на Луиса, и третья, официантка, которую я уже видела. У официантки темные волосы, собранные в тугий пучок, из которого выбились отдельные пряди, движения ее невероятно быстры, а выражение лица очень сосредоточенное.

Я опускаю голову, когда она замечает мое появление. Она смотрит на мои сандалии, которые стоят больше, чем заработок среднего кубинца за год. Когда я собирала вещи для этой поездки, то намеренно выбрала наименее броские, предпочитая комфорт и простоту высокой моде. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. Мы обе понимаем друг друга без слов, я вижу осуждение в ее взгляде, отчего мне становится стыдно.

Она проносится мимо меня, держа в руке тарелку с *тоstones*, аромат соленых жареных бананов заполняет крошечное пространство. Пожилая женщина – должно быть, мать Луиса – смотрит на меня так, словно я пришелец с другой планеты, а потом хватает тарелку с едой и выходит из тесной кухни.

Анна поворачивается с улыбкой на лице и ложкой в руке.
– Ты хорошо спала? – спрашивает она меня.

⁵ Жареные бананы.

– Да, очень, спасибо.

– Это замечательно. Ты голодна?

– Немного, но я могу подождать. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Я знаю кое-что о кубинской гордости, и все же я чувствую себя здесь чужаком, лишним бременем для семьи, на долю которой выпало немало трудностей.

Анна машет мне рукой и указывает на крошечный столик, задвинутый в угол.

– Садись, садись. Ты поешь, и мы поболтаем, пока я закончу готовить. У нас остался только один столик, и на сегодня мы закончим.

– Сколько гостей вы обслуживаете за день?

– Раз на раз не приходится. Между обедом и ужином где-то около сотни.

Выражение моего лица, похоже, выдало мое изумление. Она рассмеялась.

– Со временем к этому привыкаешь.

– Как давно у вас ресторан?

В ее глазах мелькает огонек.

– Официально? Лет двадцать или около того. Неофициально, возможно, чуть дольше. Луис готовил здесь, когда учился в университете, и до сих пор он иногда это делает.

Она зачерпывает пригоршню бобов и риса, кладет их в белую миску с цветочной каймой и ставит передо мной на стол, где уже лежат салфетка и столовые приборы. Следом за

этим я получаю стакан гуарапо⁶, сделав глоток этого сладкого напитка, я ощущаю, как сахар обволакивает мое горло.

Анна жестом указывает на тарелку.

– Ешь. А после ты сможешь отведать немного свинины и бананов.

– Спасибо.

Бобы уже загустели, я чувствую вкус привычной для меня пищи. Между бобами, приготовленными Анной, и теми, на которых я выросла в Майами, есть еле уловимое различие, но в сущности они одинаковы.

– Это просто потрясающе.

Она сияет.

– Спасибо.

Пока я ем, Анна на несколько минут отворачивается к кухонному столу, прежде чем снова повернуться ко мне лицом.

– Из переписки с Беатрис я немного в курсе ситуации. Думаю, твой визит вызван не только желанием увидеть Кубу или написать статью.

– Так и есть. Моя бабушка оставила мне письмо, в котором изложила свое последнее желание. Ее адвокат передал мне его, когда было зачитано завещание. Она хотела, чтобы ее кремировали, а прах развеяли на Кубе.

Похоже, эта новость не сильно удивила Анну, отчего я начинаю догадываться, что она уже не в первый раз слышит об этой просьбе моей бабушки. Изабель перед своей смертью

⁶ Напиток из сахарного тростника.

попросила, чтобы ее похоронили в Соединенных Штатах рядом с ее американским мужем, который умер на год раньше. Я думала, что моя бабушка захочет того же – быть похороненной рядом с дедушкой на кладбище в Майами. Но мы с ней никогда не обсуждали этот вопрос.

Я всегда считала, что у нас впереди еще много времени, которое мы проведем вместе. Удар случился неожиданно, она скончалась в ту же ночь. Если нас и могло что-то утешить, то только осознание того, что, по словам ее врача, бабушка умерла без страданий.

– И она выбрала тебя для этого, – сказала Анна. – Ты всегда была ее любимицей.

– Она вам когда-нибудь говорила почему?

Мне хотелось узнать о той стороне моей бабушки, о которой никто другой мне не расскажет.

Анна улыбнулась.

– Да, говорила.

Я жду, пока она дрожащими пальцами чистит и режет банан.

– Лючия – папина дочка, она уверена в себе, очень решительная и целеустремленная. Она постоянно подгоняет сама себя; для нее успех заключается в том, чтобы попробовать все.

Не могу не согласиться с таким описанием моей сестры. Я люблю Лючию, но она всегда шла своим собственным путем, решив пробиться в жизни самостоятельно, несмотря на

возможности нашей семьи. Ее мир – это ее лошади и ее друзья, ее мир отдален от нашего. Она появляется на крупных семейных мероприятиях, я всегда могу ей позвонить, но мы никогда не были с ней близки, несмотря на то что между нами всего лишь два года разницы.

– А Даниэла...

– Вечные неприятности, – заканчиваю я с улыбкой и без тени осуждения. Даниэла – моя любимая сестра, самая старшая, самая предприимчивая. Из нас троих она наиболее близка с мамой, возможно, потому что Даниэла первенец. Насколько я знаю, она никогда не пасовала перед трудностями.

Анна смеется.

– Да, я что-то подобное о ней слышала.

И еще есть я.

– Твоя бабушка видела в тебе саму себя. Всегда. Ты романтичная, ты мечтательница, ты вечно в поиске. Она всегда молилась, чтобы ты когда-нибудь нашла то, что ищешь. Ты больше остальных пострадала от развода родителей. – Ее губы сжимаются в тонкую линию. – Ты больше всех пострадала от того, что твоя мать уехала. Ты нуждалась в Элизе, а она в тебе.

– А теперь ее больше нет.

С уходом моей бабушки я стала чувствовать себя потерянной. Анна права: моя бабушка была моим якорем, и теперь, когда она умерла, я словно плыву по течению.

– Она так гордилась тобой, Марисоль. Всегда гордилась. Она ставит передо мной тарелку с мадуру и лечоном асадо⁷.

– А вы тоже будете есть? – спрашиваю я.

– Пожалуй, немного поем.

Я жду, пока она ставит для себя тарелку поменьше и садится напротив меня. Позади нее две женщины вошли в кухню. Прежде чем снова выйти, они с громким стуком опрокидывают тарелки в раковину.

Анна начинает есть, и я следую ее примеру. Свинина просто идеальная – она сочная, и в ней именно столько жира, сколько нужно, бананы сладкие, приправа острая, и все это я запиваю сахарным напитком.

– Где же ты развеешь ее прах? – спрашивает Анна.

– Ну, не знаю. Я надеялась, что вы мне поможете выбрать место. Я спрашивала тетю Беатрис и тетю Марию, они предложили мне несколько идей.

Также я спрашивала отца, но он, кроме дома Пересов, ничего придумать не смог. Он любил бабушку, но и в детстве, и во взрослой жизни был гораздо ближе к дедушке.

– И что же они сказали?

– Они предложили мне сделать это рядом с домом, в котором она выросла.

Тем самым домом, в котором сейчас живет русский дипломат и его семья. Я не могу отделаться от мысли, что мо-

⁷ Пряное блюдо из свинины.

ей бабушке, моей гордой бабушке не понравится соседство с русскими, которые сейчас захватили ее дом.

Анна улыбается.

– Зато она будет рядом со своим домом, и это правильно. Дом принадлежал семье Перес на протяжении многих поколений. В свое время это был один из лучших домов в Гаване, которым гордились твои прадедушка и прабабушка.

– Как вы думаете, бабушка будет там счастлива?

– Возможно. А где еще ты думала развеять ее прах?

– Я пока не знаю. Наверное, где-то в городе. Мне кажется, Гавана – лучшее место для бабушки.

– Да, это так. Она любила Гавану даже после того, как та разбила ей сердце.

Анна встает из-за стола и убирает наши пустые тарелки.

– А каким был твой дед? – спрашивает она, стоя у раковины, повернувшись спиной ко мне.

Я тоже встаю из-за стола и, не обращая внимания на протесты, помогаю ей вымыть посуду. Необходимость церемониться с Анной Родригес кажется мне излишней; несмотря на то, что мы только что познакомились, она общается со мной очень непринужденно. Ведь моя бабушка была лучшей подругой ее детства, их объединяла целая глава жизни, и сейчас я ощущаю присутствие моей бабушки рядом с нами.

– Я не успела его хорошо узнать. Мне было десять лет, когда он умер, – отвечаю я. – Знаю, что они были счастливы. Любили друг друга. После его смерти у нее никого не было,

она ни с кем не встречалась. Ее это не интересовало. У нее были мы – ее внучки, мой отец и ее дела. Кроме того, они были женаты почти сорок лет. Я думаю, ей было трудно начинать отношения с кем-то другим после того, как она прожила с дедушкой так долго.

Я очень отчетливо помню, как страдала бабушка. Я стояла рядом с ней в церкви Маленького Цветка, когда мы проводили дедушку в последний путь. Мы оплакивали его смерть, а моя рука сжимала ее руку. Двадцать один год спустя я стояла там же, смотрела на сверкающий гроб, в котором лежала моя бабушка, и утешала себя мыслями о том, что они снова вместе.

Брак моих родителей закончился катастрофой, поэтому мои бабушка и дедушка стали для меня примером. Их история была наполнена такой любовью и уважением, это давало мне надежду на то, что однажды я найду хорошего человека, которому смогу доверять, который будет моим другом и партнером, который будет любить меня так же преданно, как я буду любить его.

– Все, что Элиза рассказывала мне о нем, характеризовало его как самого замечательного человека, – с улыбкой сказала Анна. – Все эти годы твоя бабушка писала мне, когда у нее была возможность. Она попросила сохранить кое-что для тебя. Позволь мне принести это из моей комнаты.

Шаркающей походкой Анна вышла из кухни, оставляя меня одну. Я в предвкушении снова села за стол. Именно ради

этого я приехала – чтобы расстаться с одной частичкой моей бабушки и, возможно, получить взамен другую, которую я смогу прижать к своей груди.

Две женщины возвращаются на кухню, ни одна из них не смотрит в мою сторону, словно я превратилась в мебель.

Я встаю и представляюсь.

Они обе пристально смотрят на меня; старшая первой начинает разговор.

– Меня зовут Каридад. Вы уже встречались с моим сыном Луисом.

Значит, я не ошиблась – это невестка Анны. Она такого же роста, как и ее сын, у нее такое же угловатое лицо, и двигается она с той же грацией.

– Да. Он был очень любезен и встретил меня в аэропорту.

– Он был нужен нам здесь, в ресторане. Сегодня очень много посетителей.

Она произносит эти слова холодным тоном, обрывая фразу, но смысл понятен: «а нам нужна была помощь Анны сегодня во время ужина, пока вы с ней болтали».

После этого Каридад проходит мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Мои щеки пылают от ее невысказанного упрека.

Молодая женщина отвечает на мой взгляд суровым выражением лица.

– Меня зовут Кристина. Я жена Луиса.

Меня пронзает удар смертельного разочарования. Мы

смотрим друг на друга, а в кухне воцаряется тишина. Я наконец почувствовала ту неприязнь, которой боялась, когда впервые планировала свою поездку на Кубу. Я чувствую, что меня молчаливо осуждают за то, что я не настоящая кубинка, меня считают предательницей своего народа, потому что моя семья сбежала из этой страны.

Изгнанники, живущие не только в Майами, но и по всему миру, ненавидят Кастро за то, что он отнял у них их страну, за то, что он отнял все, что у них было. Но здесь я столкнулась с совершенно иной, невысказанной ненавистью, исходящей от матери Луиса и его жены. Те кубинцы, которые уехали, по большей мере процветают, в отличие от тех, кто остался – им до сих пор приходится бороться, несмотря на обещания, которые они когда-то получили от правительства.

Кристина уходит, оставляя меня одну на кухне, которая выглядит так, словно время остановилось в пятидесятых годах, из нового – лишь импровизированный ремонт и отношение к делу.

Как бы моей бабушке жилось в этой версии Кубы? Почему-то я не могу представить себе, как она готовит черную фасоль и рис на старой плите. Моя бабушка могла быть очень разной в зависимости от того, какие у вас с ней были отношения. Для меня она всю жизнь была олицетворением любви, а для многих – дамой, которая управляла общиной кубинцев в Майами твердой рукой, усыпанной драгоценными камнями.

Конечно, ее семья после революции тоже очень пострадала. Бабушка рассказывала мне истории о том, как им пришлось приспособливаться к совершенно новому образу жизни в Соединенных Штатах, как они оплакивали жизнь, которую им пришлось оставить на Кубе. Однако...

Моему прадеду потребовались годы, чтобы вернуть себе тот уровень жизни, которого он лишился из-за революции. Однажды он купил одно из самых больших поместий в Палм-Бич, чтобы показать всему миру, что даже коммунизм не может уничтожить семью Перес.

– А бабушка уже легла спать? – слышу я вопрос Луиса, который переступил порог кухни, держа в руках грязную посуду.

– Нет, она на минутку ушла в свою комнату.

Он ставит тарелки на крошечную стойку. Губы его плотно сжаты, а глаза кажутся уставшими.

– Ей нужно отдыхать. Но попробуй сказать ей об этом. Она позволяет нам помогать немного, но все равно работает больше, чем следовало бы в ее возрасте.

Луис моет посуду, стоя спиной ко мне, а я подхожу к раковине, беру одну из тряпок и вытираю те тарелки, что он уже помыл. Он бросает на меня любопытный взгляд, но ничего не говорит. Мои руки дрожат, когда я вытираю тарелку салфеткой.

Эта посуда – настоящая сборная солянка. Некоторые из тарелок с элегантными клеймами на доньшках явно когда-то

являлись частью дорогих сервисов. Другие – простые и дешевые. Луис обращается со всеми одинаково, его мыльные пальцы методично протирают их тряпкой. Ногти у него аккуратно подстрижены, пальцы тонкие, кольца он не носит.

Интересно, как давно они женаты?

Я чувствую потребность нарушить тишину.

– Ты прекрасно играешь.

Он не отвечает.

– Я слышала, как ты играл на саксофоне, – добавляю я.

Снова в ответ тишина.

– А ты давно играешь?

Уголок его рта поднимается. В то время как женщины в доме – за исключением, конечно, Анны – смотрят на меня сквозь призму недоверия и презрения, он, кажется, снисходительно забавляется, как будто я какое-то странное существо, вырванное из привычной среды обитания и брошенное посреди мира, к которому явно не принадлежу.

– С самого детства. Мой отец меня научил.

Отец, который погиб в Анголе. Я сочувствую матери Луиса, которая осталась вдовой и которой пришлось одной растить ребенка на Кубе – это, конечно, нелегкий труд.

– А сколько тебе было лет?

– Когда он умер?

– Да.

– Семь.

Я сглатываю.

– Мне очень жаль.

Луис ополаскивает одну из тарелок, протягивает ее мне и на мгновение его пальцы прикасаются к моим, прежде чем он отворачивается и берет следующую. Его движения четкие и отработанные, словно он производит детали на сборочном конвейере.

Я пытаюсь найти еще какую-нибудь тему для разговора, на кухне воцаряется тишина, если не считать журчания воды и грохота посуды, расставляемой на крошечной столешнице.

Анна возвращается через минуту с коробкой в руках.

Я заканчиваю вытирать последнюю тарелку и присаживаюсь к ней за стол, а Луис, извинившись, уходит.

Шкатулка из темного дерева с маленьким золотым замочком, чуть больше коробки из-под обуви. Такую шкатулку вы ожидаете увидеть в кабинете джентльмена, в ней обычно хранят сигары, наличные или драгоценности сомнительного происхождения.

– Она принадлежала твоему прадеду. – Анна с улыбкой протянула ее мне. – Элиза ее одолжила.

Мой прадед Эмилио Перес. Сахарный барон. Сторонник Батисты.

Он умер еще до моего рождения, но я видела его на старых семейных фотографиях. Он был красив, высок и утончен. Судя по рассказам, которые я слышала от бабушки и ее сестер, он был человеком, которого бизнес интересовал больше, чем семья, но которого все равно все любили.

– Когда семьи покидали Кубу, они не знали, что уезжают так надолго, – произнесла Анна. – Большинство считало, что режим Фиделя будет временным. Они не могли вывезти все личные вещи из страны, но они также не хотели оставлять их в своих домах, так как опасались, что их либо присвоит правительство, либо украдут воры. Поэтому они закапывали их на задних дворах или прятали в стенах родных домов, чтобы вещи дождались возвращения своих хозяев.

Мое сердце бешено колотилось.

– Твой прадед закопал большую коробку с вещами на заднем дворе. – Анна помолчала, словно засомневавшись. – Теперь она у Беатрис.

Я впервые слышу о том, что у Беатрис есть какая-то тайная шкатулка с семейными ценностями.

– А как она оказалась у Беатрис?

– Будет лучше, если ты задашь ей этот вопрос. Скажем так, твоя двоюродная бабушка вела очень интересную жизнь. Даже более интересную, чем ты можешь себе представить.

Принимая во внимание те мифы, которыми окутана жизнь Беатрис, я не слишком шокирована.

– Но содержимое этой шкатулки принадлежало твоей бабушке. Мы вместе с ней закопали шкатулку под пальмой ночью накануне ее отъезда. Когда русские переехали в дом твоей семьи, я прокралась туда тайком и выкопала шкатулку прежде, чем они ее обнаружили.

Я изумленно смотрю на Анну, а она хихикает в ответ.

– Не только Беатрис готова рисковать.

Ее руки бережно гладят дерево.

– Это был правильный поступок. Элиза не хотела бы, чтобы шкатулка попала в чужие руки. Особенно в руки тех, из-за кого ей пришлось уехать. Прошли годы, прежде чем я сообщила ей о том, что шкатулка теперь у меня. Она попросила меня сохранить ее. Сохранить для тебя.

С этими словами она протянула мне шкатулку.

– Я не знаю, что там внутри. Элиза мне об этом не говорила, а я внутрь никогда не заглядывала. Сделай это сама. Если у тебя появятся вопросы, найди меня.

Анна протягивает руку и кладет ее на мою ладонь.

– Она очень любила тебя. Она обожала твоего отца. Ваша семья была для нее целым миром. В своих письмах она писала обо всех вас так много, что вы для меня стали родными. Она пыталась извлечь максимум пользы из сложившейся непростой ситуации. Тебе трудно представить, какие тогда ужасные времена настали – в течение нескольких месяцев наш привычный мир был разрушен. Что бы ты ни нашла в шкатулке, не суди свою бабушку слишком строго.

Чуть позже я сижу на краю кровати в своей комнате, смотрю на деревянную шкатулку и поглаживаю ее углы.

Бабушке было девятнадцать лет, когда ей пришлось покинуть Кубу. Я пытаюсь представить ее молодой девушкой,

оказавшейся в эпицентре таких политических потрясений. Если бы у меня была такая шкатулка – по размеру чуть больше обувной коробки, – в которой я могла бы спрятать только самое важное, что бы я выбрала? Что решила спрятать бабушка?

Я поднимаю крышку под скрип старых петель.

Перед моими глазами предстала стопка пожелтевших страниц, исписанных чернилами. Листы бумаги перевязаны красной шелковой лентой. Судя по всему, это были письма. Я отложила их в сторону.

Следом за письмами я обнаружила кольцо.

Мое сердце бешено колотилось.

Центр кольца украшает крупный бриллиант, оформленный в стиле ар-деко и окруженный более мелкими камнями круглой формы. Кольцо не было роскошным, но оно было очень элегантным и, без сомнения, старинным. Великолепная ювелирная работа.

Нам не достались старинные фамильные украшения, которыми владела наша семья до революции. Все драгоценности остались на Кубе и в конце концов исчезли. В 1959 году семья Перес лишилась своего многовекового наследия, и ей пришлось начинать все с нуля. Поэтому для меня этот кусочек семейной истории значит очень много.

Я надеваю кольцо на палец и радуюсь тому, что оно мне впору.

В шкатулке есть и другие вещи – концертные программ-

ки, белая шелковая роза – ее лепестки еще не утратили своей нежности, выцветшая карта, спичечный коробок из китайского ресторана в Гаване. Все эти предметы не имеют материальной ценности, но для меня это настоящие сокровища.

Я начинаю разбирать письма. Беру верхнее из стопки в ожидании, что сейчас увижу знакомый, петляющий почерк бабушки. Вместо этого передо мной предстает текст, написанный четким наклонным почерком черными чернилами. Я понимаю, что писал мужчина.

И начинаю читать.

Глава 6

Элиза

Я перестала себя узнавать. Вчера вечером я улизнула вместе с сестрами на вечеринку, а сегодня иду по набережной Малекон на встречу с малознакомым мужчиной. Я не знаю его фамилию, я не знаю, из какой он семьи, и я уверена, что моя семья его скорее всего никогда не примет.

Мы – предмет безграничной гордости нашей матери, а также инструмент удовлетворения всех ее амбиций. То, что двадцатитрехлетняя Изабель до сих пор не вышла замуж, – словно насмешка над нашей матерью, и она никак не может с этим смириться. Добавим сюда бесчисленное множество предложений руки и сердца, полученных и безоговорочно отвергнутых Беатрис, которой в ее двадцать один год уже пора заправлять собственным домом и завести ребенка, чтобы благополучно отдать его на попечение няни. На фоне двух моих старших сестер мой незамужний статус отходит на второй план, но и он не остается без внимания. Любовь – это удел бедных. В нашем мире нужно выходить замуж ради статуса, богатства и благополучия семьи.

И все же сегодня я здесь.

Малекон – одно из моих любимых мест в городе. Набережная простирается на пять километров, и с нее открывается самый прекрасный вид на Гавану, особенно в часы заката, когда небо раскрашено золотыми, розовыми и синими красками. Когда я смотрю на это небо, то вспоминаю старинные картины, которыми украшены стены в нашем доме.

Я прохожу мимо торговца фруктами, продающего ананасы, манго и бананы. Он одаривает меня белозубой улыбкой, а потом поворачивается к своим клиентам.

Для встречи с Пабло я выбрала белое платье – одно из моих любимых, купленное в Эль-Энканто. Сегодня улизнуть из дома оказалось труднее, чем я предполагала. Мария хотела пойти со мной, и Магда все время подозрительно поглядывала, как будто догадывалась, что со мной что-то происходит.

Это будет наша первая и последняя встреча.

Я увижусь с ним и позволю себе насладиться этим часом, а потом вернусь в Мирамар, на званый обед, который моя мама устраивает для одного судьи – закадычного приятеля моего отца, – чьего сына она надеется сосватать Изабелле. Я встречусь с Пабло, а потом забуду о нем. Возможно, я буду о нем вспоминать поздними ночными часами, когда мне будет трудно заснуть. Может быть, я вспомню о нем, когда буду прогуливаться по набережной, а волны будут касаться моей кожи.

Когда я подхожу к тому месту, где мы договорились встретиться, я вижу Пабло – он стоит на краю дамбы и смотрит

на воду. Меня поражает то, что я узнала его по одной только позе, по темным волосам, по манере держаться. Это странно, но это так.

Мой пульс учащается.

Я ускоряю шаг, отворачиваясь от любопытных взглядов. Конечно, рискованно появляться с ним на людях при свете дня, но я не могу себе в этом отказать.

Пабло поворачивается в тот момент, когда я иду к нему, как будто та же самая веревка, которая тянет меня к нему, связывает и его тоже.

В руке он держит белую шелковую розу.

У меня пересыхает во рту.

Мы встречаемся посреди тротуара, и, судя по выражению его глаз, я не прогадала с выбором платья.

– Я сомневался в том, что ты придешь, – тихо говорит он.

– Я несколько раз чуть не передумала, – признаюсь я.

Пабло протягивает мне розу, и я беру ее в руки, шелк мягко ложится на мою ладонь, простая красота цветка трогает мое сердце. Я рада оттого, что эта роза никогда не завянет и мне не придется наблюдать, как она засыхает и превращается в пыль. Я могу положить ее в ящик стола и иногда, когда мне захочется прикоснуться к ее лепесткам и предаться воспоминаниям, доставать оттуда.

– Спасибо.

Мой ответ немногословен, но это все, что я могу себе позволить.

– Не хочешь прогуляться? – спрашивает он.

Я киваю. Меня переполняют эмоции, поэтому я предпочитаю ничего не говорить.

Пабло встает между улицей и мной, хотя и улица, и океан представляют для меня одинаковую опасность. С одной стороны, по проезжей части мимо нас проносятся бесконечные автомобили, и меня могут легко узнать. А с другой стороны – океан, разбивающийся о дамбу и водой окатывающий пешеходов. Море вторгается на сушу подобно разгневанному Посейдону. Однако сегодня оно относительно спокойно, и вряд ли вред от соленой воды для моего платья сопоставим с вредом, который эта прогулка может причинить моей репутации.

Мы идем молча, Пабло старается попадать в темп моих шагов. По-видимому, его устраивает наша молчаливая прогулка – он явно предпочитает молчание бессмысленному разговору. Я держу в руке розу и время от времени поглаживаю мягкий шелк; каждый раз, когда я это делаю, его походка замедляется, словно он чувствует каждое движение моих пальцев, мое дыхание, биение моего сердца. Ветер треплет прядь моих волос, и я заправляю ее за ухо и в награду получаю его резкий вздох.

Воздух вокруг нас наэлектризован.

Я отвожу от Пабло взгляд, мне нужно время, чтобы собраться с мыслями. Я смотрю на пейзаж, на других людей, идущих по набережной, и мне кажется, что воздух вокруг

нас искрится от напряжения.

Сегодня на набережной меньше туристов, чем обычно. После терактов в кабаре Монмартр и в Тропикане у всех расшатаны нервы, и люди уже на пределе.

А еще в городе постоянно взрываются бомбы – взрывы слышны по всему городу, ими сопровождаются вечеринки, званые обеды и ужины, даже поездки на пляж.

Пока горел Рим, Нерон играл на скрипке.

Иногда информация о взрывах попадает в газеты сразу на следующий день; а бывает и так, что ничего не сообщают, и мы остаемся в недоумении, то ли действительно город сотрясали новые вспышки насилия, то ли услышанное было плодом нашего воображения. Жизнь становится очень непростой, когда страна погружается в смятение и хаос. Еще более непростой она становится тогда, когда множество группировок начинают бороться за власть, пытаясь урвать свой кусок от умирающего острова.

На Кубе действует много организаций: независимая Auténtica, состоящая из небольшого отряда партизан; Directorio Revolucionario Estudiantil – группа студентов из Университета Гаваны; дышащая на ладан Federacion Estudiantil Universitaria – еще одна группа студентов Гаванского университета, которые в прошлом году вместе с DRE проникли в Президентский дворец и попытались убить Батисту; члены Коммунистической партии, чей неоднозначный союз с Батистой теряет силу; Движение 26 июля, которое

сражается с армией Батисты в горах Сьерра-Маэстра; и еще множество других врагов, которых Батиста приобрел за все годы своего правления.

Волны разбиваются о дамбу впереди нас, выплескиваются на дорогу, их энергичные белые пенистые гребешки кажутся живыми. Мы останавливаемся и ждем, когда море прекратит свою яростную атаку, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы сделать то, что хотела сделать с самого начала нашей прогулки. Я останавливаюсь и жадно смотрю на Пабло, мой взгляд задерживается на его лице, неглубоких морщинках вокруг глаз и темных кругах под ними, словно он плохо спал прошлой ночью.

– Сегодня утром в газете я видел твою фотографию, – говорит он, стоя ко мне чуть ближе, чем нужно, чтобы я могла слышать его сквозь шум волн и звуки, доносящиеся со стороны улицы.

Я краснею.

– Никогда бы не подумала, что ты читаешь светскую хронику.

По правде говоря, мне приятно осознавать, что он искал информацию обо мне.

Теперь его очередь краснеть.

– Я ее не читаю. По крайней мере не читал до сегодняшнего дня. – Он сглатывает, его кадык дергается. Невысказанные слова повисают в воздухе:

Пока я не встретил тебя.

– Тогда ты знаешь, кто я.

– Да.

Я смотрю на море, и мое сердце бешено колотится.

– Тогда ты должен понимать, что наша сегодняшняя встреча будет последней.

Есть разница между тем, чтобы участвовать в незначительных мятежах – например, вместе с сестрами ночью бежать из дома, и тем, чтобы влюбиться в неподходящего мужчину и пойти против воли семьи. Сейчас я стою на краю пропасти, и я не должна забывать о том, что у меня нет права поддаться искушению. Ни при каких обстоятельствах я не должна этого делать. Иначе пострадает не только моя репутация, но и репутация моих родителей, и даже репутация Беатрис, Изабель и Марии. Кроме того, я не забываю о том, что в свои девятнадцать лет я почти ничего не умею делать, и если семья от меня отречется, то мне будет очень трудно содержать себя, особенно принимая во внимание уровень безработицы на Кубе.

– Я понимаю, – отвечает Пабло.

Мой взгляд скользит по волнорезу, по людям вокруг нас. Куба такая разная: местные жители, туристы – мы все живем в Гаване, но принадлежим таким разным мирам.

Какому миру принадлежит он?

– Расскажи мне о себе.

Чтобы мне было о чем вспомнить, когда мне придется тебя забыть.

– А что ты хотела бы узнать? – спрашивает он.

Что-нибудь. Все.

Я начинаю сама и озвучиваю то немногое, что знаю о нем.

– Ты говорил, что вырос в Ведадо. Твоя семья все еще живет там?

– Да, они живут там – мои родители и две сестры. – Его голос срывается. – Но я уже давно их не видел. Меня долго не было.

В его ответе я слышу намеки на некие семейные разногласия. К сожалению, эта тема мне знакома. Когда речь заходит о семейных проблемах, в разговорах появляются паузы – рассказчику не хватает слов, чтобы передать неестественное состояние разрыва с теми, с кем связан кровными узами. А бывают такие паузы, которые можно увидеть, как пустой стул за вычурным обеденным столом, привезенным из Парижа. Я знаю все об этих паузах – разорванные отношения, брат или сестра, потерянные из-за идеологических расхождений, навсегда разрушенная семья.

Я изо всех сил стараюсь сдержать дрожь в голосе.

– А теперь ты вернулся навсегда?

Я не совсем уверена, какой ответ хочу услышать. Мне будет легче, если он собирается уехать снова – он уедет, и я его больше не увижу.

– Нет. Я приехал ненадолго. У меня есть дела в городе.

Я жду, пока он уточнит, о каких делах идет речь, и поскольку он этого не делает, я продолжаю задавать вопросы.

– Тебе нравится твоя работа? Ты практикующий юрист?

Я почерпнула много знаний из толстых книг, которые изучала под руководством учителей, но я мало знаю о практической стороне жизни. Адвокаты иногда обедают в нашем доме, однако разговор редко заходит об их работе или о других серьезных вещах.

– Да, можно сказать, что моя работа мне нравится, – отвечает он. – Мне нравится помогать людям – по крайней мере пытаться им помочь. Правосудие на Кубе... – Его голос затихает, но я достаточно осведомлена о жизни в стране и понимаю, что он хочет сказать.

О политических проблемах Кубы я узнала преимущественно благодаря гневным крикам и взаимным обвинениям, которые периодически доносились из кабинета моего отца.

Как вы можете оправдывать наш образ жизни? Люди голодают, страдают. Вы построили свое состояние на чужих костях. И не только вы – это касается нас всех.

Впереди группа мальчишек ныряет за монетками, брошенными американскими туристами, их тела покачиваются на волнах, прежде чем исчезнуть под поверхностью воды, в которой, возможно, их поджидают акулы. Дети рискуют жизнью ради нескольких монет.

– Сейчас трудные времена, – говорит Пабло, его взгляд, так же как и мой, устремлен на мальчишек. – Многие из моих друзей несколько лет назад окончили университет и все еще

не могут найти работу. Они расстроены, они злятся и сражаются за свое будущее. – Он отворачивается от мальчиков и смотрит на меня. – Я решил на время оставить юридическую практику и сосредоточиться на других вещах.

«Другие вещи» зловеще повисают между нами. Ветры перемен – исходящие от бывших студентов Гаванского университета, которые остались без возможности продолжать учебу, когда Батиста, испугавшись их подрывной деятельности, закрыл университет, – уже однажды ворвались в мою жизнь. Я сделаю себе лишь одну поблажку и проведу с ним только один вечер. Мне не нужно знать все его секреты; я могу притвориться, будто верю в то, что он обычный адвокат.

– Расскажи теперь ты о себе, – говорит Пабло.

– Что рассказать?

– Ты мне тогда так и не ответила. На что похожа жизнь по ту сторону ворот?

Я тихо смеюсь и с облегчением ощущаю, что разговор возвращается к более привычным для меня темам.

– Наша жизнь не настолько завораживающая, как может показаться.

Пабло на мгновение замолкает, его пристальный взгляд становится гораздо более напряженным, чем того требует послеобеденная прогулка по набережной Малекон. Когда он говорит о политике, когда смотрит на меня, я чувствую, как напряжено его тело. Именно эта сила притягивает меня к нему; для меня в новинку быть рядом с мужчиной, которого

больше заботит содержание беседы, нежели ее форма. Пабло очень напоминает мне моего брата – у Алехандро такой же уверенный взгляд и такая же уверенность в каждом сказанном слове.

Пабло усмехается.

– Чем же ты занимаешься в свободное время, когда не занята прогулкой по Гаване и разбиванием сердец?

– Я провожу время с моими сестрами – у меня их три.

А еще у меня есть брат, но его имя никто больше не произносит.

– Я читаю, хожу по магазинам. Мы любим кататься на лошадях, ходить на пляж.

Я уже не говорю об общественных обязанностях. Все это звучит так легкомысленно и скучно. Наша главная цель – дождаться, когда мужчина войдет в нашу жизнь и женится на нас. Какая-то часть меня завидует Алехандро – он осмелился сбросить с себя груз ответственности за то, что родился в семье Перес. Я завидовала той легкости, с которой он рискнул всем ради своих убеждений. И в то же время была зла на него, и я ничего не могла сделать со своим гневом. Верность – это сложная штука. Что должно быть на первом месте – верность семье или верность стране? Или же мы прежде всего должны быть верны самим себе, верны своему сердцу, своим убеждениям, своему внутреннему голосу, который ведет нас?

Хотела бы я знать ответы на эти вопросы.

– Странно, что ты не учишься где-нибудь за границей.

– Моя мама не одобрила идею о нашем поступлении в университет. Беатрис продвигала это самым активным образом – из нее получился бы отличный адвокат, но в конце концов она смирилась. У моих родителей очень традиционное представление о том, чем должна заниматься кубинская женщина, и невзирая на то что общественное мнение может не одобрить их мировоззрение, они не собираются его менять. Работающая женщина из семьи Перес – это пятно на репутации семьи Перес.

Он выглядит слегка возмущенным.

– Значит, ты просто должна ждать, пока однажды не переедешь из родительского дома в дом твоего мужа?

– Да.

– А что, если ты никогда не выйдешь замуж?

– Тогда я останусь жить в нашем доме и буду заботиться о маме, пока не состарюсь.

Так же как и ему, мне такая перспектива кажется малопривлекательной, но я не могу подобрать слова, чтобы объяснить, что у меня нет других вариантов. Конечно, теоретически я могла бы пойти против воли родителей, нарушить семейные традиции, но правда в том, что никто и ничто не увлекало меня настолько, чтобы я была готова рискнуть разорвать связи с семьей. У меня нет тайной мечты стать врачом или адвокатом. Мне девятнадцать лет, и я понятия не имею о том, какой будет моя дальнейшая жизнь. А в усло-

виях моей нынешней предсказать будущее становится еще труднее.

– И тебя это устраивает? – спрашивает он с сомнением на лице.

– Нет, конечно же, нет. Но ты говоришь так, словно у меня есть неограниченные возможности выбирать то, что мне нравится.

– А если бы именно так и было?

– Я не интересуюсь политикой, – отвечаю я.

Это одновременно предупреждение и предостережение – революция меня не интересует. Меня не интересует даже упоминание о ней. Гавану сотрясают не только взрывы бомб; расстрельные команды президента Батисты в последнее время развернули бурную деятельность, и ни один кубинец, каким бы богатым он ни был, не может быть уверен в собственной неприкосновенности. Тому доказательство – мой родной брат. Лучшее, самое благоразумное, что можно сейчас сделать, чтобы выжить в Гаване, – это не лезть на рожон, не высываться и жить своей обычной жизнью. Жить так, словно ничего не происходит и мир вокруг тебя не впадает в безумие.

– Ты говоришь так, будто политика – это что-то такое, что живет отдельно от нас. Как будто политика не является частью нашей жизни. Как ты можешь не замечать то, что так важно для целостности нашей страны, нашего народа? Как можно игнорировать то, что непосредственно влияет на

жизнь стольких людей?

– Очень немногие могут позволить себе роскошь быть политиком на Кубе.

– Да, а еще никто не может позволить себе роскошь не быть политиком на Кубе, – парирует он.

Пылкость и убежденность, с которыми он произносит эти слова, преображают его на моих глазах. Его слишком длинные волосы развеваются на ветру, темные глаза сверкают, и что-то в его свирепом взгляде напоминает мне корсара, чей портрет висит на стене нашего дома. Этому человеку не требуется ничьих разрешений. Это человек действия, человек, в душе у которого бушуют страсти.

Каково это – быть женой такого мужчины?

– А тебе самой не надоело сидеть с опущенной головой и молиться, чтобы тебя никто не заметил? – спрашивает он мягким голосом.

Его вопрос задевает меня. Его настойчивость одновременно привлекает и отталкивает. Сколько часов я потратила на подобные разговоры с братом, и, в конце концов, чем все это закончилось? Я не кривила душой – революция действительно не вызывает у меня никакого интереса. Меня не интересуют вооруженные восстания, меня не интересуют убийства. Много женщин сражаются в этой войне за будущее Кубы, но у меня нет никакого желания присоединиться к их рядам, чтобы взамен быть изгнанной из семьи, как это случилось с Алехандро. Пабло говорит о свободе, и его слова

наполнены любовью к своей стране. И это не может не вызывать у меня восхищения.

Политика Батисты не преследует интересы Кубы и кубинского народа. Политика Батисты направлена на защиту его личных интересов, на увеличение его собственного богатства, на расширение его власти, чтобы он мог вечно править островом.

Неужели мы все смеем надеяться на большее?

Конечно.

Но трудно на что-то надеяться, когда все, что вы видели, — это коррупция, когда ваша реальность — это нечестные выборы и отсутствие альтернатив.

Его надежда меня восхищает; я ловлю себя на том, что испытываю зависть. И не только зависть — его уверенность меня пугает.

Пабло качает головой.

— Мне очень жаль. Мне не следовало говорить о таких вещах.

На моих губах появляется печальная улыбка.

— Ты не производишь впечатления человека, который беспокоится о том, что ему следует делать, а что нет.

— Это правда, — соглашается он, улыбаясь.

Под лучами палящего солнца мы идем рядом, но не касаемся друг друга. Худощавая, высокая фигура Пабло скрывает меня от взглядов зевак. Мои волосы развеваются при малейшем порыве ветра, и Пабло наклоняет голову, чтобы

полюбоваться прядями моих волос на свету, выражение его лица смягчается. Мои щеки снова пылают.

Обычно я не такая серьезная и не такая застенчивая, но все здесь кажется каким-то другим, каким-то очень важным. Я позволила себе провести с Пабло один-единственный вечер, который закончится еще не скоро. Я хочу насладиться каждой минутой, каждым взглядом, каждым произнесенным словом.

Роза в моих руках невероятно мягкая.

– Ты читала Монтеस्कье? – произносит Пабло, и его вопрос застает меня врасплох.

– Нет, не читала.

– Почитай. Особенно правдивыми его слова мне кажутся тогда, когда я приезжаю в Гавану. – Пабло отворачивается от меня, его взгляд скользит по зданиям на другой стороне набережной Малекон. – Монтеस्कье говорил, что империя, рожденная в войне, должна поддерживать себя войной.

– Едва ли Кубу можно назвать империей, – вставляю я.

– Да, верно. Но по сути все то же самое. Мы же постоянно воюем. Либо с другими странами – например, с Испанией, либо сами с собой.

– Но это же не значит, что мы будем вечно воевать? – пытаюсь возразить я.

Почему люди всегда думают, что война – это достойный ответ? Алехандро жаждал поднять оружие против Батисты, пролить кубинскую кровь, и чем все закончилось? Батиста

остался у власти, а все, чего добился Алехандро, — это быть изгнанным из Гаваны. Официально мои родители сообщили друзьям, что он учится в Европе, путешествует по миру. Конечно, ходят слухи, но никто не осмеливается бросить моим родителям вызов и спросить прямо, правда ли, что мой родной брат, близнец Беатрис, стал радикалом.

— В кинотеатрах взрываются бомбы, — продолжаю я. — Наши улицы усеяны трупами. Разве это не трупы кубинцев? Невинные люди, случайно оказавшиеся в эпицентре столкновения, которое не имеет к ним никакого отношения. Ты говоришь так, будто все кубинцы должны взять в руки оружие, но если не все хотят одного и того же? Что тогда?

— А как насчет тех, кто стоит в стороне и ничего не делает, пока тиран уничтожает нашу страну, убивает наших соотечественников, потому что народ не выступает против его несправедливости? Какова цена такого бездействия, когда зверства совершаются во имя Батисты? Пропасть разделяет жителей города, которые жаждут перемен, и тех, кто делает вид, что все прекрасно. Главные отрасли, на которые опирается наша страна, — это производство сахара, табака и кофе и туризм. Эти же отрасли поработщают нас как нацию, пока кубинцы работают и прислуживают в полях, в казино и отелях, которыми управляют американские негодяи.

Я вздрагиваю, когда слово «сахар» срывается с его губ. Что же он должен думать о моей семье? Обо мне? Сейчас он здесь, идет рядом со мной, и все же я не могу не задаться

вопросом, не считает ли он моего отца причастным к бедам страны. Алехандро, безусловно, считал именно так.

– Американцы контролируют очень большую часть нашей промышленности и нашей экономики. Кто же выигрывает от этой щедрости? Батиста, – продолжает он. – Богатые невероятно богаты, а бедные так отчаянно бедны.

Все исчезает – рев океана, шум дороги. Я не могу оторвать от него взгляда, убежденность в его голосе завораживает. С каждым словом, слетающим с его губ, он преобразается. Место серьезного мужчины, с которым я познакомилась вчера на вечеринке, занял кто-то другой.

– Когда я нахожусь в провинции, то вижу своих соотечественников – кубинцев, у которых в домах нет электричества, нет водопровода, они не умеют читать, у них нет возможности ходить в школу, – говорит Пабло, снова глядя на высокие здания. – Когда я приезжаю в Гавану, то вижу, что в домах горит свет, люди прогуливаются по Пасео-дель-Право так, словно в их жизни нет никаких забот. В других районах города люди живут очень трудно, но все равно у меня возникает впечатление, что Гавана существует в своем собственном замкнутом пространстве. В тридцать третьем году, когда мы свергли Мачадо, я был ребенком. Я понимаю, что люди устали от насилия, устали от конфликтов, устали от пролитой кубинской крови. Но...

– У меня есть брат, – слова срываются с моих губ, и я готова открыть тайну, которая на самом деле вовсе не тайна. –

Когда-то он говорил то же самое.

Рядом со мной Пабло замирает так, словно сумел прочесть мои мысли. Мне кажется, что он мастер по улавливанию тайного смысла, скрытого в паузах, напряженных незавершенных фразах и словах, произносимых шепотом.

– С родственниками бывают проблемы, – говорит он через мгновение.

– Да.

– Он в безопасности? – Пабло спрашивает так, словно тоже кое-что знает о том, как опасно бросать вызов президенту и идти против своей семьи.

– Надеюсь.

Хотелось бы мне верить в это.

– Во всяком случае, я не читала Монтескье, но я поищу его труды в нашей библиотеке. – Я вздрагиваю, когда произношу последнее слово, хотя какой смысл притворяться? Он видел газету и теперь знает мою фамилию. Как бы сильно я ни завидовала свободе Алехандро, у меня нет возможности бросить свою семью, отречься от родителей и от всего того, что они защищают. Да, они – мы, возможно, ущербны. Но наследие семьи и кровные узы незыблемы. – В доме моего отца большая библиотека, шкафы забиты книгами, – продолжаю я сухим тоном. – Не сомневаюсь, что ты считаешь нас декадентами. Наверное, так и есть. Богатство моей семьи зародилось много лет назад, и те, кто родился в семье Перес, пользуются преимуществами, которое оно дает.

– И ты готова принести за это извинения? – произносит он небрежно, но я чувствую в его вопросе неподдельный интерес.

– Ради благосостояния моей семьи? Ради сохранения большого дома и всего остального? Не думаю, что буду возражать, если из моего дома будут убраны все картины – за исключением портрета корсара, который мне очень нравится.

Я искоса взглянула на Пабло, пытаюсь оценить его реакцию.

– А может, мне лучше высказать свое отвращение к нашему богатству и тому позору, которое оно мне приносит? Или рассказать тебе о наших благотворительных начинаниях, о людях, которые служили в армии и погибли за независимость Кубы, о том, как мой отец работал вместе с Батистой над Конституцией 1940 года? Возможно, такова наша судьба: в стране, где у многих нет самого необходимого, у нас всего в избытке. Но несмотря на богатство, я вижу трудности и ограничения, с которыми сталкивается мой отец, – его бизнес очень нестабилен, в этом году урожай сахара плохой, и отец вынужден допоздна работать в своем офисе. До меня долетают его разговоры – я слышу, как он сокрушается по поводу нарушенных договоренностей, слышу его опасения по поводу того, куда катится наша страна. Даже богатые ни от чего не застрахованы – у нас есть друзья, брошенные в тюрьму по распоряжению Батисты; мы боимся расстрела не

меньше, чем бедняки. Мой родной брат – тому подтверждение. Деньги покупают нам близость к власти, но сегодня эта близость превращает нас в удобную мишень.

Произнося это, я чувствую, что начинаю задыхаться. Ярость застигает меня врасплох. Когда в последний раз меня спрашивали о том, что я думаю? Что я чувствую, когда мир вокруг меня летит в тартарары? Когда я в последний раз могла произнести имя Алехандро? Я украдкой бросаю взгляд на Пабло, гадая, не спугнула ли я его своими вольными суждениями. Но в его взгляде я вижу восхищение.

– Ты очень храбрая, Элиза Перес.

В такой семье, как моя, есть свои понятия о храбрости, но я все равно приму этот комплимент, хотя и сомневаюсь, что я действительно храбра.

– Почему ты так думаешь? – задавая этот вопрос, я уступаю своему любопытству и еще больше раздвигаю границы своей мнимой храбрости.

Проходит мгновение, прежде чем он отвечает мне.

– Потому что ты не притворяешься. Ты такая, какая ты есть. Ты не пытаешься надеть на себя маску – это редкое качество в наши дни. И я подозреваю, что среди обитателей Мирамара это еще большая редкость.

Это очень сомнительный комплимент, но я, однако, в ответ улыбаюсь, не отводя глаза под его пристальным взглядом. Потом я опускаю голову и смотрю на море.

Похоже, нас обоих устраивает воцарившееся молчание –

мы идем, не говоря ни слова, лишь ветер, волны и автомобильные гудки нарушают тишину. Время от времени до нас доносятся звуки трубы. Мы прогуливаемся вдоль набережной, и наши тела двигаются в одном ритме.

– Ты совсем не такая, как я ожидал, – произносит он и наконец нарушает наше молчание. Он говорит тихо, едва ли не шепотом, словно сам не уверен в своих словах.

Неужели он почувствовал то же, что чувствую я?

– А чего ты ожидал? – Я не могу удержаться от вопроса.

– Ну, не знаю. Точно не этого. Я не ожидал встретить кого-то...

Окончание фразы я не услышала – шум ветра заглушил его слова.

– Элиза...

Я поворачиваюсь и смотрю ему в лицо, солнце ярко светит мне в глаза, от чего я вижу Пабло, окруженного сиянием. Я опасаясь, что он прочтет в моем взгляде переполняющие меня эмоции: беспокойство, смятение, желание.

В глубине души я догадываюсь, кто он такой и чем занимается. И как можно не догадаться? Это же ясно как белый день. С одной стороны, меня это ужасает, а с другой – я чувствую в глубине души притяжение.

– Элиза... – повторяет он.

Я слышу, как он произносит мое имя, и от хриплого тембра его голоса дрожь пробегает по моей спине.

Свершилось.

Один из нас делает шаг. Мы оба делаем шаг. И больше я ничего не помню. Я помню только, что его губы встречаются с моими. Я этого хотела, но все равно оказалась застигнута врасплох.

Я часто представляла себе, каким будет мой первый поцелуй, но, когда это случилось в реальности, не сразу сообразила, что именно происходит.

Его рука на моей талии. Его пальцы прикасаются к моему платью. Его губы на моих губах. Его дыхание становится моим дыханием. Его сердце глухо стучит у меня в груди.

Он гладит меня по волосам, сжимая пряди, когда поцелуй меняется, становится более чувственным, более глубоким, настолько, что я начинаю задыхаться.

Пабло отстраняется первым, глядя на меня сверху вниз своими темными серьезными глазами. Я должна отойти от него на один шаг. Еще на один. Я должна отходить от него до тех пор, пока не окажусь в безопасности в нашем особняке в Мирамаре.

Я делаю шаг вперед, кладу ладонь ему на щеку, мои пальцы прикасаются к теням под его глазами.

Пабло вздрагивает.

Одного шага оказалось достаточно, чтобы я познала свою силу, от чего по моим венам разливается дурман. Одного шага оказалось достаточно, чтобы я осознала, чего хочу. Одного шага оказалось достаточно, чтобы мой мир изменился. С этого момента все будет иначе и уже ничто никогда не будет

прежним.

Глава 7

Я долго не могу заснуть. Я постоянно перечитываю письмо, которое написал мне Пабло. Он вложил его мне в ладонь, когда провожал домой. В тот момент я почувствовала тепло его тела, которое сохранила бумага, и от этого ощущения чего-то очень личного меня охватил трепет. Мы попрощались вчера на окраине Мирамара так, чтобы никто не увидел нас вместе, и наше прощание было ничтожным по сравнению с поцелуем на набережной Малекон. Мне было жаль, что обстоятельства заставляли меня держать в секрете мое знакомство с Пабло. Судя по его словам, он был огорчен не меньше меня. Так же как и я, он желал большего.

Я оказался в непростом положении. Когда я собирался к Гильермо, то и представить себе не мог, что встречу тебя. А потом появилась ты. От твоей красоты мне стало больно дышать. Ты так серьезно смотрела на всех, словно пыталась запечатлеть в памяти каждое мгновение. Словно тебе тоже недостаточно того, что у тебя есть, словно ты тоже жаждешь большего.

Я понимаю, что все это очень глупо. У тебя впереди целая жизнь, а мне нечего тебе предложить, в твоей жизни нет места для меня. Я знаю тебя совсем недолго, и мне, вероятно, не стоит думать и беспокоиться о подобном. Удивительно, но проведенное с тобой время кажется мне одно-

временно бесконечно долгим и совершенно ничтожным.

Строки его письма находят отклик в моей душе. Я сжимаю страницы в руке и чувствую себя так, словно ему удалось распутать туго завязанный узел в моей груди. Время – это роскошь, которой у меня нет. Слишком рискованно продолжать встречаться с ним, а когда мы вместе, я трачу слишком много времени, пытаюсь подобрать слова. Здесь, в своей уютной комнате, я читаю строки, написанные его рукой, и узнаю о нем – о его семье, об увлечении правом, о любимых книгах.

После того как я заканчиваю читать письмо, я еще долго прокручиваю в голове его слова. Я вспоминаю наш разговор на набережной Малекон. Несмотря на то что я вместе с родителями выезжала за границу, я почти не видела Кубу за пределами Гаваны, поэтому я располагаю очень ограниченной информацией о том, как устроена жизнь простых кубинцев. Пабло прав – мы действительно живем в замкнутом обществе. Но что может измениться? И как?

За несколько часов до рассвета я начинаю писать ответное письмо, которое отдам ему, когда мы увидимся снова.

Я пишу, и руки дрожат, отчего мой обычно аккуратный почерк превращается в непонятные каракули. И все же мне так легче. Пабло учился в университете, он изучал юриспруденцию, поэтому он говорит уверенно и не теряется в разговоре. Это меня восхищает и одновременно вызывает зависть. Те слова, которые я собираюсь ему написать, всегда суще-

ствовали для меня только на страницах прочитанных книг. Они живут лишь в тайниках моего сознания и произносятся лишь за закрытыми дверьми нашего дома. Женщины моего круга не говорят о таком публично, а в нашем доме мы даже наедине друг с другом не позволяем себе произносить эти слова.

Ранним утром я достаю томик Монтескье из книжного шкафа в библиотеке моего отца. Я сворачиваюсь калачиком в одном из огромных кресел, которые появились в нашем доме еще до моего рождения, и листаю страницы до тех пор, пока мои глаза не закрываются и я не погружаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь, то слышу, как дверь в библиотеку открылась и сразу же с легким стуком закрылась. Я слышу звук шагов по ковру. Еще не открыв глаза, я понимаю по аромату духов – это Беатрис.

Я чувствую, что она неподвижно стоит рядом со мной и пытается понять, сплю ли я.

Я продолжаю лежать с закрытыми глазами.

Когда Беатрис что-то замышляет, она становится очень опасной, а меня не покидает чувство, что она что-то задумала с той самой ночи, когда она настояла, чтобы мы поехали на вечеринку в Ведадо.

Приглушенный звук шагов по ковру то возобновляется, то прекращается. Я медленно открываю один глаз.

Беатрис стоит, склонившись над деревянным столом, спиной ко мне. Наш отец предпочитает работать уединенно в

святая святых — своем кабинете, доступ в который для нас закрыт. Но он также держит письменный стол здесь, в роскошной библиотеке, где тоже иногда, по настроению, принимает гостей и деловых партнеров. Библиотека впечатляет коллекцией книг — здесь собрано не менее тысячи старинных томов, которые веками приобретались членами семьи Перес.

Звуки открывающихся и закрывающихся ящиков и дребезжание ручек наполняют комнату.

У меня перехватывает дыхание. Беатрис оборачивается.

Я быстро закрываю глаза.

— Ты же знаешь, что это бесполезно. Я раньше спала с тобой в одной спальне. Ты храпишь, когда спишь по-настоящему, — говорит Беатрис с другого конца комнаты.

Вот в чем беда сестер: они слишком хорошо друг друга знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.